

УДК 930/902(510)

DOI: 10.53737/2713-2021.2022.88.49.001

А.М. Мамедов, П.И. Шульга

«САВРОМАТСКОЕ» ЗАХОРОНЕНИЕ С У-ОБРАЗНЫМИ ПСАЛИЯМИ В ВЕРХОВЬЯХ Р. ЭМБА*

Публикуются материалы из центрального погребения (№ 3) в кургане 1 могильника Жагабулак I, исследованного в 2021 г. археологической экспедицией Института археологии им. А.Х. Маргулана и Актобинского областного историко-краеведческого музея. Могильник расположен на малоисследованной территории между Южным Приуральем, плато Устурт и Приаральем, и это придаёт материалам из кургана 1 ярко выраженный промежуточный, переходный облик, в котором запечатлелись особенности не только указанного пограничья, но и более отдалённых западных и восточных регионов. В этом отношении показательна уздечка с железными деталями из погребения 3. В её состав входили У-образные псалии, типологически соотносимые со специфическими бронзовыми У-образными псалиями, бытовавшими только в раннескифское время (VII — начало VI в. до н.э.) на ограниченной территории Алтая и Тувы. Удила имели петлевидные окончания, характерные для западной скифской узды, но не встречавшиеся в VI—III вв. до н.э. на востоке — на Алтае, в Южной Сибири, Сынцзяне и в других областях. Кроме того, удила и псалии в погребении 3 составляли неразъёмную конструкцию, принцип которой получил наибольшее распространение в Передней Азии и был известен с раннескифского времени в Приаралье. У-образные псалии из погребения 3 не являются переиспользованной деталью раннескифского времени. Они созданы в данном регионе не позднее середины VI в. до н.э. по ещё имевшим тогда хождение У-видным образцам восточного происхождения и использованы в связке с западными удилами. Наличие уздечки с У-образными псалиями указывает, вероятно, и на более ранние даты бытования колчаных наборов стрел, подобных найденным в погребении 3, в пределах, предположительно, середины VI в. до н.э.

Ключевые слова: прохоровская культура, ранние кочевники, Южное Приуралье, конское снаряжение, уздечка, У-образные псалии, удила.

Сведения об авторах: Мамедов Аслан Маликович¹, Институт археологии им. А.Х. Маргулана Комитета Науки МОН РК; Шульга Петр Иванович², кандидат исторических наук, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН.

Контактная информация: ¹50010, Казахстан, г. Алматы, ул. Шевченко 28, пр. Достык, д. 44, Институт археологии им. А.Х. Маргулана Комитета Науки МОН РК; e-mail: mamedovaslan@mail.ru; ²630090, Россия, г. Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, д. 17, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН; e-mail: shulgapi55@yandex.ru.

А.М. Mammadov, P.I. Shulga

A “SAUROMATIAN” BURIAL WITH U-SHAPED CHEEK-PIECES DISCOVERED ON THE UPPER EMBA RIVER

In 2021, a chief grave (No. 3) was recovered in the burial mound No. 1 at the barrow field of Zhagabulak I by archaeologists of the A.Kh. Margulan's Institute of Archaeology and by those of Aktobe Regional Museum of

---

* Работа выполнена в рамках ПЦФ на тему «OR11465466 «Великая степь в контексте этнокультурных исследований», а также НИР ИАЭТ СО РАН Госзадание. Проект № 0329-2016-0003 «Историко-культурные процессы в Сибири и на сопредельных территориях».

Статья поступила в номер 20 июня 2022 г.
Принята к печати 10 июля 2022г.

Local History. The Zhagabulak barrows are located within the frontier area at junction of the South Cis-Urals, the Ustyurt Plateau, and the Aral Sea Region. Until now, the research area was only explored on the limited basis. It is this particular spatial location which imparted an intermediate and transitional character to the materials discovered in the barrow No. 1. The artifacts found there seem to reflect peculiarities borrowed both from nearby lands and distant territories east and west of them. In this regard, the iron bridle set from the burial No. 3 is of special interest. It contains Y-shaped cheek-pieces of a type corresponding to those bronze Y-shaped cheek-pieces that were used in the Early Scythian times from the 7th until the early 6th c. BCE within a restricted area in the Altai and Tuva. The Zhagabulak horse bit bars have loop-shaped ends similar to those the western Scythian horse bits normally have had. On the other hand, loop-shaped horse bit bars have never been reported to occur from the contexts dated back to the 6th until the 3rd c. BCE in the Altai, in South Siberia, in Xinjiang, or elsewhere in the East. In addition to this, the mouthpiece and cheek-pieces from the burial No. 3 represent an all-in-one horse bit device of a type which was widely spread throughout Western Asia and has already been evidenced in the Aral Sea Region in the Early Scythian times. The Y-shaped cheek-pieces discovered in the burial No. 3 could hardly be interpreted as reutilized bridle parts of the Early Scythian horse harness. In the area under study, cheek-pieces of this type have already been developed to be utilized with western horse bits as late as the mid-6th c. BCE. The invention was based on Y-shaped cheek-piece type of eastern origin still useable in that time. The Zhagabulak horse bridle with Y-shaped cheek-pieces may as well suggest an earlier date – roughly around the mid-6th c. BCE — for the quiverfuls of arrows, similar to those found in the burial No. 3.

Key words: Prokhorov culture, Early nomads, Southern Urals, Horse equipment, Bridle, Y-shaped cheekpieces, bits.

About the authors: Mammadov Aslan Malikovich¹, Institute of Archaeology named after A.Kh. Margulan of the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan; Shulga Petr Ivanovich², PhD (History), Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

Contact information: ¹50010, Kazakhstan, Almaty, st. Shevchenko 28, 44 Dostyk Ave., Institute of Archaeology named after A.Kh. Margulan of the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan; e-mail: mamedovaslan@mail.ru; ²630090, Russia, Novosibirsk, 17 Academician Lavrentiev Ave., Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; e-mail: shulgapi55@yandex.ru.

Введение

Вопросы датирования археологических комплексов и происхождения культур относятся к наиболее значимым в археологии скифского мира. Актуальны они и для раннего этапа культуры ранних кочевников Южного Приуралья, обычно датируемого в рамках второй половины VI—V вв. до н.э.¹ Важной особенностью Южного Приуралья является почти полное отсутствие захоронений раннескифского периода (VIII — начало VI в. до н.э.). К этому времени относится небольшое количество погребений и случайных находок (Смирнов 1961: 15—16; Исмагилов 1988; Гуцалов, Виноградов 2002: 377; Гуцалов 2004: 91—93, табл. 6). По имеющимся данным, основные пастбища и могильники ранних саков в VII — начале VI в. до н.э. концентрировались в Восточном Приаралье и Центральном Казахстане. В VI—V вв. до н.э. ситуация зеркально изменилась — Степи Приаралья и Центрального Казахстана постепенно обезлюдели, а в бассейнах рек Урал, Илек и Эмба появилось значительное

---

¹ Памятники этого времени в Южном Приуралье изучаются уже около 100 лет (Берлизов 2011). Предложено большое количество различных названий и хронологических схем (Мышкин 2010), но общепризнанного варианта не сложилось. В последние десятилетия этот период часто называют ранним этапом прохоровской культуры (Гуцалов 2007: 91; др.). Имеет место и отказ от использования понятия «археологическая культура». Так, Л.Т. Яблонский более продуктивным для Южного Приуралья полагал понятие «культурно-хронологический горизонт» (КХГ) в рамках Южно-Приуральской КИО (культурно-исторической общности). Интересующий нас период он назвал *фазой «А» «савроматского»* КХГ этапа культуры ранних кочевников Южного Приуралья, датируемого второй половиной VI — серединой V в. до н.э. (Яблонский 2015: 17).

количество захоронений, демонстрирующих связь с культурами Приаралья. Высокая степень сходства погребальной обрядности и вещевого комплекса двух регионов позволили высказать мнение о проникновении сакских племен на север и появлении культуры «савроматских племен» в Южном Приуралье в «готовом» виде в результате миграции (Пшеничнюк 1983: 128—129; Железчиков 1988: 59; 1994: 16; Железчиков, Пшеничнюк 1994: 6; Железчиков, Фалалеев 1996: 7; Таиров 2006: 76—78)².

Толчком к массовой миграции значительной части саков в Южное Приуралье считается давление Персидской державы на кочевников Приаралья в конце VI в. до н.э. (Таиров 1999; Гуцалов 2007: 91). По мнению А.Д. Таирова, этим можно объяснить известный вывод о появлении культуры ранних кочевников Южного Приуралья в «готовом» сложившемся виде (1999: 175). Такая взаимосвязь известных исторических событий с археологическими материалами вполне вероятна. Вместе с тем, определяемая А.Д. Таировым система сезонных перекочёвок приаральских саков, вполне допускает их проникновение в летнее время на пастбища в бассейнах рек Эмба и Илек уже в VII в. до н.э. В VI в. до н.э. эти пастбища, вероятно, всё чаще стали использоваться как зимние, с устройством могильников, демонстрировавших право группы скотоводов на эти жизненно важные территории. В этом отношении несомненный интерес представляют погребения в кургане 1 могильника Жагабулак I, расположенного примерно посередине между Аральским морем и бассейном Илека (рис. 2а). В данной работе рассматривается центральное погребение 3, в котором найдена уздечка с уникальными железными У-образными псалиями, демонстрирующими опосредованные связи с Алтаем, а также указывающих на более раннюю дату инвентарного комплекса.

Описание материалов

В 2021 г. археологической экспедицией Института археологии им. А.Х. Маргулана и Актыбинского областного историко-краеведческого музея на могильнике Жагабулак I в кургане 1 было обнаружено захоронение с предметами вооружения и своеобразным набором деталей узды, включающим уникальные железные У-образные псалии. Могильник Жагабулак I находится в Южном Приуралье, в 5 км к югу от одноименного села Жагабулак Мугалжарского района Актыбинской области Республики Казахстан, на правом берегу р. Жем (Эмба)³ (рис. 2а). Данный район располагается в южной части ареала прохоровской культуры, примерно в 300—400 км к юго-востоку от элитных захоронений V—IV вв. до н.э. в бассейне р. Илек (Смирнов 1975; Пшеничнюк 2012; Яблонский 2013; др.). В 300 км к югу расположено Аральское море, где были исследованы раннесакские могильники Уйгарак и Южный Тагискен VII—VI вв. до н.э. (Вишневская 1973; Итина, Яблонский 1997). Комплексы раннего железного века в верховьях р. Жем слабо изучены, но разведками там выявлено значительное количество могильников, включающих крупные курганы.

Могильник Жагабулак I состоит из четырех земляных курганов (№№ 1—4) и других археологических объектов (рис. 1, 2б). В ходе раскопок были получены разновременные материалы эпохи раннего железа и средневековья. Курган 1 находился в юго-западной части могильника на краю цепочки из четырёх курганов, протянувшейся на 142 м к северо-востоку (рис. 2б). Насыпь кургана состояла из нескольких слоёв суглинка, перекрытых сверху слоем

² Помимо этого, отмечается сильное влияние скифской культуры Северного Кавказа, возможно связанной со скифами, вернувшимися из Передней Азии в первой половине 6 в. до н.э. (Таиров 2000: 18; Гуцалов 2007: 90—91).

³ Река Эмба — один из основных водных артерий Актыбинской области, берущей начало в Мугалжарских горах и некогда впадавшая в Каспийское море. Среди местного населения чаще всего употребляется название Жем.

колотых камней. Диаметр насыпи 31 м, высота 1,8 м. Курган по основанию опоясывал круговой ров шириной до 6 м и глубиной 0,2—0,6 м. По центру кургана над могильной ямой основного погребения 3 наблюдалась незначительная воронка. Под насыпью выявлен вал округлой в плане формы из суглинка, устроенный по основанию на уровне погребенной почвы. Во внутреннем пространстве вала расчищен слой перегноя (дерева и коры?), также покоившийся на погребенной почве. В центральной части кургана зафиксирован второй кольцевидный в плане вал из суглинка, выброшенного из могилы. На могильном выкиде прослеживались деревянные плахи перекрытия. Под курганом выявлены три погребения: центральное погребение 3, и расположенное в 3 м к юго-западу погребение 2 с подхоронением лошади в дромосе (рис. 3). Погребение 2 было перекрыто органическим настилом и частично внешним грунтовым валом, из чего следует, что оно было совершено ещё до сооружения вала и настила, вскоре после центрального погребения 3. Помимо этого, над погребением 2 обнаружено впускное погребение 1, содержавшее безынвентарное захоронение человека. Его датировка и культурная принадлежность не ясны.

Погребение 3 находилось по центру кургана. Могильная яма имела деревянное перекрытие, плахи которого, опирались на могильный выкид. Большая часть перекрытия провалилась в могилу, а в центральной части оно было частично разрушено. Могильная яма прямоугольной формы, размерами на уровне материка $2,9 \times 3,4$ м, ориентирована по линии ЮЗ—СВ. Стенки ямы ко дну постепенно сужались. Длина могилы по дну 3,08 м, ширина 2,16 м, глубина от уровня залегания могильного выкида 2,25 м. В заполнении могилы встречены костяная ворворка, две бронзовые пронизки (рис. 8: 6, 7), а также два бронзовых фрагмента с остатками накипи корродированного железа. Последние могли быть частями крупной ворворки или чаши.

Кости человека в могиле отсутствовали⁴. Явных нарушений заполнения могилы 3 и у её дна не зафиксировано. Механических разрушений предметов или их перемещений не отмечено. Все изделия располагались на дне могилы. Кинжал лежал по центру могилы, как если бы он находился при воине. При этом покрытая золотой фольгой сторона ножен была обращена вверх. По всей видимости, в погребении был устроен кенотаф. Предполагаемый в погребении 3 умерший, ориентировался головой на юго-запад. На это указывает следующее:

1) В непо потревоженном соседнем погребении 2 сохранившихся фрагмента черепа и зубы человека лежали у южной стенки могилы;

2) Преобладающая ориентация умерших в верховьях Илека в VI—V вв. до н.э. — в юго-западный сектор;

3) Инвентарь располагался также в соответствии с юго-западной ориентацией человека. Три керамических сосуда с железным ножом обнаружены «в головах» (в западном углу могилы), а бронзовый котёл — «в ногах» (в противоположном юго-восточном углу могилы).

По центру могилы лежал железный кинжал с брусковидным навершием и бабочковидным перекрестием. Клинок в сечении линзовидный. Общая длина кинжала 36,6 см (рис. 4, 5, 7: 1, 8: 1). Навершие и перекрестие кинжала, а также лицевая сторона не сохранившихся ножен плакированы листовым золотом. Бронзовый котёл с бокаловидным туловом и воронковидным поддоном стоял верх дном (рис. 6). Тулово котла деформировано, поддон имеет разрыв. В верхней части тулова просматриваются следы литейных швов. Высота котла 26,5 см, диаметр по венчику 23,6 см (рис. 8: 5). К западу и юго-западу от котла зафиксировано два комплекта деталей конского снаряжения. Комплект № 1 располагался в

---

⁴ Нужно отметить, что в соседнем не потревоженном погребении 2 кости человека плохо сохранились, но всё же зафиксированы фрагменты черепа и несколько зубов.

10 см к юго-западу. В нём найдено подпружная пряжка, два подпружных блока (рис. 7: 4—6, 10: 1—3), четыре малые бронзовые ворворки, две бляшки со щитком в виде свастики и подпрямоугольной петлей (рис. 7: 8, 13—16, 10: 4—7), одна наносная (?) подвеска в виде фигуры птицы (рис. 7: 7, 10: 8). Комплект № 2 находился примерно в 40 см к западу от котла и от первого комплекта. Он включал подпружные пряжку с блоком и три бронзовые ворворки (рис. 7: 2, 3, 10—12, 10: 11—15).

В южном углу могилы расчищены колчаный набор № 1 с бронзовыми (133 экз.) и железными (8 экз.) наконечниками стрел с остатками деревянных древков. Острия наконечников были направлены на восток к стенке могилы. Древки наконечников стрел частично перекрывались железными деталями уздечки, включавшими У-образные псалии с удилами, однотипные пронизки (около 72 экз.), двоители (2 экз.) и распределитель с двумя прикипевшими пронизками (рис. 11: 1—6). Там же находились три разнотипных сравнительно крупных железных изделия длиной около 9—10 см, не находящих места в известных уздечных наборах. Не исключено, что три отмеченных выше предмета имели отношение к фурнитуре колчана и прилегающим к нему ремням. Один из них похож на фрагмент крючка (или рукоять ножа с выступом—застёжкой). Другой представляет сильно корродированную пластинку с тремя одинаковыми полукруглыми выемками на одной стороне. Третий предмет похож на звено удила с муфтой на грызле (рис. 8: 13).

Севернее колчанного набора № 1 находились в комплекте колчанная ворворка—застёжка отверстием вниз и колчаный крючок (рис. 8: 10, 11). Ворворка бронзовая чашевидной формы, по центру имеет отверстие. Снаружи изделие плакировано листовым золотом, вероятнее всего, изображающим фигуру животного (хищника?). Плохая сохранность не позволяет конкретизировать вид животного, просматривается только туловище и конечности. Высота ворворки 3,4 см, диаметр — 6,6 см. Колчаный крючок массивный, длиной 11,3 см. Изготовлен из железного штыря с согнутым окончанием и приваренной (?) петлей на широкой спинке. Длина изделия 11,4 см.

У юго-западной торцевой стенки выявлен колчаный набор № 2, содержащий 85 наконечников стрел (84 бронзовых и один железный), обращённых остриями на юго-восток. У некоторых наконечников частично сохранились деревянные древки стрел. Над наконечниками сохранились фрагменты кожи от колчана. В 30 см к северо-востоку от колчанного набора найден фрагмент железного изделия, вероятно, фрагмент ещё одного колчанного крючка. Представляет собой железную пластину с выступом, сужающаяся часть которой не сохранилась. Длина изделия 8 см, ширина 2,5 см (рис. 8: 12). Здесь же располагалась небольшая каменная плитка (рис. 8: 9).

В западном углу могилы находилось три лепных плоскодонных керамических сосуда. Сосуды № 1 и № 2 сохранились в развалах. Сосуд № 1 горшковидный, с остатками вертикальной ручки. Примерная высота сосуда 17 см, диаметр дна — 9,2 см (рис. 8: 3). Форма сосуда № 2 достоверно не восстанавливается. Возможно он был несколько выше и не имел ручки (рис. 8: 2). Сосуд № 3 сохранился почти полностью, но несколько деформирован. Подобно котлу он стоял верх дном. Под венчиком и на тулове отмечены остатки вертикальной ручки. Поверхность сосуда красная, тесто в изломе темно-серое. Высота 15,6 см, диаметр по венчику 12 см, по дну — 9,7 см (рис. 8: 4). Рядом с сосудами найден железный черешковый нож. Его сохранившаяся длина 12,8 см (рис. 8: 8).

Обсуждение результатов

Материалы кургана 1 могильника Жагабулак I представляют большой научный интерес. Погребальный комплекс выявлен на малоисследованной промежуточной территории, между Южным Приуральем, плато Устюрт и Приаральем. Соответственно, там могут быть получены новые данные о взаимодействии культур в регионе и миграционных процессах в VI в. до н.э. Так, устройство под насыпью кургана кольцевых валов и использование деревянных конструкций характерны прежде всего для погребальных комплексов Южного Приуралья (Смирнов 1964: 85—89; Гуцалов 2007: 92, рис. 2: 1, 3: 1, 4: 1; 2010; 2011а; 2011б, с. 169; Гуцалов, Мамедов 2021; Смаилов, Сейткалиев 2009: 178—180; Байпаков, Сейткалиев 2011: 199—200). Помимо этого, прослеживаются аналогии с культурой ранних саков в Восточном Приаралье, а обнаружение в погребении 3 У-образных псалиев указывают и на опосредованные связи с майэмирской культурой на Алтае VII — первой половины VI в. до н.э.

Согласно сложившимся к настоящему времени датировкам, обнаруженные в погребении 3 наборы бронзовых наконечников стрел датируются второй половиной (концом) VI — началом V в. до н.э. Более ранними закономерно считаются наборы, включающие втульчатые двухлопастные наконечники. В погребении 3 к таковым относится лишь один экземпляр с лавролистной головкой из набора № 1 (рис. 9: 23). Вместе с тем, в каждом наборе представлены трёхгранные и трёхгранно-трёхлопастные наконечники, в том числе с вильчатыми (зубчатыми) вырезами в основании бойка (12 экз. в наборе № 1 и 6 экз. в наборе № 2) (рис. 9: 17—22, 24—29). Все они присутствуют на Южном Урале и восточных территориях в колчаных наборах VI в. до н.э. и даже второй половины VII в. до н.э. В обоих колчанах преобладали сравнительно массивные трёхлопастные наконечники со сводчатой головкой и выступающей втулкой (рис. 9: 1—6, 32—38). В наборе № 1 их почти половина — 67 из 141 экз. (47,5%), и в наборе № 2 — 57 из 85 экз. (67%). Длина наконечников от 1,4 см до 4,7 см, в среднем, около 3,4 см. Второе место по численности занимают трёхлопастные сводчатые со скрытой втулкой и опускающимися ниже втулки жальцами (шипами). В наборе № 1 их 30 из 141 экз. (21,3%) и в наборе № 2 — 14 из 85 (16,5%) (рис. 9: 7—10, 39—42). Следует отметить нетипичную для Южного Приуралья группу из шести трёхлопастных наконечников с ассиметрично-ромбовидной головкой и короткой выступающей втулкой в наборе № 1 (рис. 9: 11—16). Похожие трёхлопастные наконечники с шипами и без шипов VII—VI вв. до н.э. известны в Причерноморье в (Мелюкова 1964: рис. 1, типы 1, 2; табл. 6), но они, как правило с длинными втулками, и плечо на лопасти у них не столь явно выражено. Своеобразны и два крупных наконечника из набора № 2 (рис. 9: 43, 44). Они похожи на наконечники типа 3 по К.Ф. Смирнову «со сводчатой головкой, кососрезанными внизу лопастями и выступающей втулкой» (Смирнов 1961: 45, табл. II: 11, 12). Такое сочетание наконечников обычно присуще для памятников середины VI—V вв. до н.э. (Смирнов 1961: табл. 1—5; Гуцалов 2004: табл. 10: 12—13). Помимо этого, в набор № 1 входило 8 железных наконечников, в том числе пять крупных втульчатых пулевидных длиной около 4,5—5 см и один трёхлопастной со сводчатой головкой и выступающей втулкой (рис. 9: 30, 31). Железные наконечники для колчана кочевников середины VI—V вв. до н.э. не типичны и встречаются как правило в небольших количествах. Единственным исключением являются находки с кургана у с. Сара, где зафиксировано около 50 железных наконечников (Смирнов 1961: 61, 70, рис. 22: А: 1—16).

Железный кинжал относится ко 2-му типу I-го отдела, для которого характерно сочетание бабочковидного перекрестия и брусковидного навершия. Такого рода изделия

появляются уже в VII в. до н.э.⁵, а серия кинжалов с обоймочкой под навершием на Южном Урале и в Казахстане датируется «в рамках VII — первой половины VI вв. до н.э.» (Таиров 2007: 145). В основной массе аналогичные типы кинжалов и мечей датируются не позднее V в. до н.э. (Смирнов 1961: 10—15, рис. 1). На территории Западного Казахстана известны две находки клинкового оружия, украшенные листовым золотом. Оба происходят с погребальных комплексов элиты бассейна р. Урал и Илек. Первый был обнаружен на левобережье р. Илек в кургане 4 могильника Бесоба. Акинак, как и в нашем случае, имел брусковидное навершие и бабочковидное перекрестие. Рукоять и перекрестие украшало листовое золото. Второй экземпляр найден кургане 18 могильника Кырык-Оба II. От изделия сохранилось только перекрестие, плакированное золотой фольгой. Обе находки отнесены к концу VI—V вв. до н.э. (Кадырбаев 1984: 8, рис. 1: 47; Гуцалов 2010: 61—62, 64, рис. 5: 3).

С колчаном связана крупная бронзовая ворворка чашевидной формы с отверстием по центру, плакированная листовым золотом. Связь этих изделий с колчанами (горитами) была давно замечена по их расположению в погребениях и на изваяниях, но они рассматривались как украшения (Смирнов 1961: 34; Ольховский, Евдокимов 1994: 73; Яблонский, Рукавишникова 2007: 18, рис. 9). Однако, находки на Алтае показали, что «колчаные ворворки (бляхи) служили своеобразными пуговицами, удерживающими ремешок, на котором подвешивался колчан (горит).» (Кубарев, Шульга 2007: 109)⁶. В скифском мире эти функциональные изделия появляются в виде трапециевидных в сечении ворворок в VI в. до н.э. В частности, такая ворворка обнаружена в кургане 53 Южного Тагискена (Итина, Яблонский 1997: рис. 44: 3). У «савроматов» они распространяются несколько позднее — в конце VI—V вв. до н.э., (Смирнов 1961: 75, рис. 42: 2; Мамедов, Китов 2015: 25, рис. 4: 48). Колчаные крюки по типологии С.Ю. Гуцалова относятся к III и IV типам и в основной массе обнаружены в погребениях конца VI—V вв. до н.э. (Гуцалов 2004: 32, табл. 17). Несколько позже с V в. до н.э. датируются бронзовые котлы (Смирнов 1964: 128—131; Демиденко 2008: 15—16, рис. 6) и некоторые другие изделия из погребения 3. Однако погрешности датирования по аналогиям инвентарю и по C14 (гальштатское плато) не позволяют с уверенностью определять узкие хронологические рамки бытования тех или иных изделий. В этом нас убеждает и анализ деталей уздечки с У-образными псалиями.

Конское снаряжение

Детали конского снаряжения располагались в трёх скоплениях, вероятно, представлявших три обособленных комплекта. Два из них находились в восточной части могилы у бронзового котла на расстоянии 40 см друг от друга (рис. 4).

Комплект № 1. Включал подпружную пряжку с двумя шпеньками на одной стороне (рис. 7: 4, 10: 1) и два блока, из которых один был со шпеньком (рис. 7: 5, 10: 2, 3). Там же компактно лежали четыре малые бронзовые ворворки (диаметр в основании 1,5—1,8 см, высота 1,2—1,7 см), а чуть в стороне — две бляшки со щитком в виде свастики и подвеска в виде фигуры птицы (рис. 7: 7—9, 13—16, 10: 4—10). Составлявшие двучастную застёжку пряжка и блок имели на рамке по одному выступу в виде овальных щитков, в основании

⁵ Например, железный кинжал с бабочковидным перекрестием происходит из кургана 26 в Уйгараке, датируемого сбруйным набором не позднее начала VI в. до н.э. (Вишневецкая 1973: табл. VIII: 6).

⁶ После ознакомления с алтайскими материалами Л.Т. Яблонский также допустил участие таких ворворок «в креплении горита к ремню портупей.» (Яблонский 2013: 31).

которых находились одиночные шпеньки⁷. Посредством этих шпеньков они крепились на подпружных ремнях. Размеры пряжки и блока около 8×7 см. Особенностью пряжки и блока являются щитки, почти не встречающиеся на Южном Урале в VI—V вв. до н.э., но характерные для сбруйных наборов раннескифского времени Уйгарака и Южного Тагискена (Вишневская 1973: табл. I: 19, табл. II: 1, 2, табл. V: 19, 20 и др.; Итина, Яблонский 1997). Правосторонний блок имел форму кольца диаметром около 6 см без штифтов⁸.

Комплект № 2. Включал подпружные пряжку с блоком и три бронзовые ворворки (диаметр в основании 1,7—2,0 см, высота около 1,7 см), (рис. 10: 13—15). Пряжка и блок имели форму колец диаметром 6,0—6,5 см. На противоположных концах пряжки с двух сторон имелось по шпеньку высотой около 1,5 см (рис. 10: 12). На блоке в желобке имеется основание зашлифованного обломившегося или недолитого шпенька (рис. 10: 11).

Все подпружные пряжки и блоки комплектов №№ 1 и 2 бронзовые, желобчатые, кольцевидные. За единичным исключением шпеньки на пряжках устраивались в желобке на оборотной стороне, что характерно для Южного Приуралья. Вместе с тем, каждый из комплектов имел свою специфику. В комплекте № 1 пряжка и блок имеют нестандартные щитки, а пряжки с двумя шпеньками в комплектах относятся к разным типам.

Третье скопление находилось в южном углу могилы на колчане № 1 со стрелами. В **комплект № 3** достоверно входили железные детали уздечки: железные удила с двумя U-образными псалиями; пронизки в виде несомкнутых колечек (ок. 72 экз.); цилиндрический распределитель с двумя прикипевшими пронизками; два своеобразных двоителя с тремя отверстиями в каждом (рис. 11: 4, 5). На псалиях и распределителе прослеживались остатки плакирования золотой фольгой. Реконструируется прилегающая к псалиям часть уздечки с раздваивающимся у псалия суголовным ремнём и распределителем. Судя по большому количеству пронизок, покрывавших ремни длиной около 80 см, помимо обязательных суголовного и подбородного ремней имелся наносный (рис. 11: 7). Необычными являются только изделия с тремя отверстиями. Однако, благодаря сохранившимся стандартным пронизкам, прикипевшим на концах одного из них (рис. 11: 5), можно определить их как уздечные двоители.

В целом устанавливается комплектность и назначение остатков снаряжения в двух скоплениях у котла (комплекты №№ 1 и 2). Судя по имеющимся реконструкциям седел на Южном Урале с двучастной застёжкой (подпружные пряжка и блок) на левом боку лошади (вариант 1), и с такой же застёжкой, но дополненной кольцом на правой стороне (вариант 2), каждое из этих скоплений маркирует одно седло. Комплект № 2 указывает на первый вариант, а комплект № 1 — на второй. Нужно отметить, что в обоих вариантах устройство подпруги было идентичным, только в первом варианте на правом боку лошади подпружный

⁷ Понятие двучастная застёжка введено в оборот Е.В. Степановой, достоверно установившей способ застёгивания подпруги на левом боку лошади при помощи пряжки и блока в снаряжении пазырыкской культуры V—III вв. до н.э. (Степанова 2006, рис. 12: 1, 2). При этом Л.В. Степанова расположила пряжку внизу (на подпруге), а блок сверху (на приструге). По данным П.И. Шульги их положение было обратным. Начиная с VII в. до н.э. пряжки в снаряжении с Алтая располагались на широком верхнем подпружном ремне (приструге), а блоки — на сравнительно узком нижнем подпружном ремне (рис. 12: 1, 2) (Шульга 2008: 32—43). К такому же выводу пришла и М.А. Очир-Горяева на основе анализа взаиморасположения «блях-пряжек» и «блях-петель» на костяках лошадей в Южном Приуралье. Исследователь заключила, что их расположение было «противоположным указанному в реконструкции Е. Степановой», и что «... не подпруга вдевалась в петлю приструги, а наоборот, приструга вдевалась в петлю бляхи, находящейся на подпруге ...» (Очир-Горяева 2012: 269).

⁸ Пряжки с двумя штифтами на внутренней стороне, типа имевшейся в комплекте № 1 (рис. 10: 1), обычно считаются правосторонними «одночастными» застёжками (Очир-Горяева 2012: 264; Мышкин 2018: 43, 47). Не исключено, что двучастная застёжка включала два блока (рис. 10: 2, 3), а пряжка с двумя шпеньками находилась справа. Так или иначе, конструкция из трёх подпружных «пряжек» при этом сохраняется.

ремень соединялся с пристругой (верхним подпружным ремнём) узлом, а во втором они соединялись посредством кольца. Последний способ представляет несомненный интерес, поскольку непосредственно следует раннескифской традиции Казахстана и Южной Сибири, согласно которой на правом боку лошади нижний подпружный ремень соединялся с верхним подпружным ремнём (пристругой) при помощи бляхи—застёжки (рис. 12: 3) (Шульга, Шульга 2004; Шульга 2008: 43, рис. 11; Степанова 2006: 111). В VI в. до н.э. в Южном Приуралье эти бляхи—застёжки были заменены на кольца и фигурные бляхи (Степанова 2006: рис. 2: 9, 10; Очир-Горяева 2012: 266; Мамедов 2016; Мышкин 2018: 42—43). В каждый комплект входили компактно расположенные малые ворворки (3 экз. и 4 экз.). Об использовании таких мелких ворворок в уздечной фурнитуре нет достоверных данных⁹. На Алтае такие малые ворворки зафиксированы в поясной фурнитуре и костюме в VII—VI вв. до н.э. как застёжки и украшения. В комплектах №№ 1 и 2 они могли применяться таким же образом, но в виде подвесок на седле и седельных ремнях.

Обнаружение в захоронении 3 деталей двух подпруг и одной уздечки, теоретически может указывать на седло с двумя подпругами. Подобная конструкция зафиксирована в бытой сбруе нашего времени у пастухов на западе Казахстана (рис. 13) (Мамедов 2016, рис. 3, 4). Однако, в сбруйных наборах скифского времени двойные подпруги не известны, и вероятность нахождения в погребении 3 седла с двумя подпругами крайне мала.

Назначение в сбруе трёх обособленно лежавших бронзовых бляшек с петельками на обороте из комплекса 1 не вполне ясно (рис. 10: 8—10). Они могли относиться к неизвестной нам уздечке с бронзовыми деталями. Принадлежность их к уздечке с У-образными псалиями маловероятна, поскольку там детали выполнены из железа (в том числе и плакированными золотом псалиями и распределителем) и в ином стиле.

Узда с железными У-образными псалиями (рис. 11: 1—7)

У-образные псалии и удила с петельчатыми окончаниями

Представляли собой неразъёмную конструкцию, подобно цельнолитым бронзовым из Уйгарака (Вишневецкая 1973: табл. VIII: 5) и Южного Тагискена (Итина, Яблонский 1997: рис. 47: 9). В этом их принципиальное отличие от уздечки раннескифского времени с У-образными псалиями, у которой удила могли сниматься и надеваться на отростки псалиев (рис. 11: 8). В неразъёмной конструкции из погребения 3 основная часть коленчатого отростка вместе с петелькой становилась излишней, и сохранялась лишь как дань традиции.

Псалии сохранились в рабочем положении с удилами. Высота псалиев одинакова — 21,5 см, общая длина по хорде 23 см. В результате произошедшей коррозии существенно увеличена толщина стержней, уменьшены размеры отверстий, несколько искажены пропорции. Однако, конструкция псалиев хорошо прослеживается, и можно заключить, что изначально оба псалия были почти одинаковы. По классификации бронзовых У-образных псалиев с Алтая и Тувы они относятся к псалиям с завершениями на концах. В рабочем положении эти псалии, вероятно, располагались, развилкой вниз, как и предшествовавшие им У-образные бронзовые (рис. 11: 8—9) (Шульга 2008: 59, рис. 36: 2). Каждый псалий состоит из основного стержня и параллельного ему коленчатого отростка длиной около 10,5 см с перемышкой длиной не более 1,5 см. Стержни несколько уплощены с боков, и изначально размеры их в сечении составляли около 1,5 × 1 см (рис. 11: 1а). На основном стержне каждого псалия с внутренней стороны

⁹ В уздечках скифского времени достоверно функциональной была только одна сравнительно крупная полая ворворка. Она служила застёжкой концов суголовного ремня, соединявшегося на затылке лошади.

имеется две полукруглые петельки, незначительно выступающие в сторону удил. Такое расположение петелек встречается редко, но известно в Уйгараке (Вишневская 1973: табл. XII: 17, 18). Петельки были рассчитаны на пропускание уплощённых щёчных ремешков, и отверстия в них имели овальную форму первоначальными размерами около 9×7 мм. Расстояние между петельками около 8 см. На левом псалии коленчатый отросток отходил от основного стержня посередине между петельками (рис. 11: 1), на другом — чуть ниже середины (рис. 11: 2). В отростках псалиев имелось по одной петельке, расположенной на том же уровне, что и на основном стержне. Как и у бронзовых У-образных псалиев в верхней части отростков имелись выступы, блокирующие внешние окончания удил, жёстко зафиксированных на перемышках (рис. 11: 1а, в).

Удила. Фиксировались внешними петлевидными окончаниями на перемышках псалиев (длина перемычек не более 1,5 см) между стержнем и отростком. Длина полностью сохранившегося левого звена удил изначально составляла около 13,5 см, а диаметр грызла менее 1 см. Общая длина удил равнялась примерно 26 см. Окончания удил петлевидные. Внешние окончания отличаются предельно малыми размерами. Отверстия в них были лишь немногим больше диаметра перемычек, на которых они находились. Даже с учётом изначально меньшей высоты выступов на коленчатых отростках, внешние окончания удил не могли быть надеты на перемычки через отростки, как это делалось в раннескифское время (см. рис. 11: 1а и 8). Очевидно, что внешние окончания железных удил из погребения 3 загибались непосредственно на перемышках псалиев, после чего их нельзя было снять.

Двоители. Железные. Представлены в двух экземплярах. Размеры $5 \times 1,2$ см (рис. 11: 4, 5). Конструктивно они отличаются от известных на Южном Урале (Смирнов 1961: рис. 54) и на востоке степной Евразии металлических уздечных двоителей, состоявших из двух совмещённых колец или двух бляшек с петельками на обороте (Шульга 2015: 97—98). Каждый двоитель из погребения 3 имел три овальных отверстия изначально размерами около $1,2 \times 0,8$ см при общей длине изделия около 5 см. Подобные изделия с 3—5 отверстиями (или их имитациями) иногда использовались на воинских ремешковых поясах, бытовавших в раннескифское время на территории от Казахстана до Тувы (Шульга 2008: рис. 82). Не исключено, что изначально они были изготовлены для поясов, но в данной уздечке применены как разделители двух концов суголовного ремня, направленных от распределителя к псалию (рис. 11: 7). В этом нас убеждает остатки двух ремешков с пронизками на одном из двоителей (рис. 11: 5).

Распределитель. Железный. Сверху на щитке видны остатки орнамента, плакированного золотом. Представлен в одном экземпляре (рис. 11: 3). Диаметр 2 см, высота 1,6 см. Относится к цилиндрическим распределителям со сферическим щитком. По сторонам имеется четыре округлых отверстия диаметром около 1 см, а в основании большое отверстие диаметром 1,6 см. У двух отверстий сохранилось по одной прикипевшей пронизке.

Пронизки. Железные. Сохранилось 72 экз. Все однотипные в виде округлых несомкнутых колечек, первоначальными размерами в сечении около $1,5 \times 1,2$ см (рис. 11: 6). На ремнях уздечки располагались плотно без промежутков. На отрезке ремня длиной 10 см умещалось около 9 пронизок. Соответственно, пронизками было украшено около 80 см ремней уздечки. Примерно такую длину имели с двух сторон суголовые ремни с щёчными ремешками от псалиев до места пересечения с налобно-подбородным ремнём. Возможно, украшался и наносный ремень (рис. 11: 7).

Изделие в виде звена удил. Длина изделия (10 см) и размеры колец в целом соответствуют размерам реальных удил переходного типа с малыми внешними кольцами (внутренний диаметр около 2 см), в которые вставлялись двудырчатые псалии. В VI в. до н.э.

наибольшее распространение они получили на востоке степной Евразии (Шульга 2013: рис. 14, 15)¹⁰. Кольца этого изделия круглые, симметричные по отношению к стержню, подобно бронзовым и железным удилам, распространённым к востоку от Урала. При этом «муфта на грызле» очень похожа на грызла строгих удил персидского типа (Иванчик 2001: рис. 86). Между тем, указанное изделие не использовалось как звено удил. На это указывает отсутствие в большом кольце следов псалия, а в малом — следов второго звена. При этом стержень между кольцами («грызло») как бы скрыт в муфте, оформленной в виде шести совмещённых колечек диаметром 2,8 см. Можно предположить, что это уникальное изделие служило поясной подвеской колчана (горита) или иного крупного предмета. Похожие подвески в форме двузвенных удил известны на поясах воинов на Южном Урале (Таиров 2015: рис. 3: 6, 9), в Восточном Казахстане (Самашев 2018: рис. 3: 2) и в Туве (Чугунов 2016: рис. 174), датируемых второй половиной VII — началом VI в. до н.э.

Заключение

Конское снаряжение из погребения 3 кургана 1 представляют особый интерес:

1) Как имеющее переходные черты от снаряжения раннескифского времени к «савроматскому» второй половины VI—V вв. до н.э.;

2) Как демонстрирующее культурные связи с Алтаем на востоке, Приаральем на юге и культурами скифского круга на западе. Наиболее ярко всё это прослеживается на уникальном комплекте из железных У-образных псалиев и удил с петлевидными окончаниями, бытовавших на разных территориях и в разное время.

а) У-образные псалии относятся к редкой форме, встречающейся только в захоронениях культур раннескифского времени VII — начала VI в. до н.э. Все известные У-образные псалии бронзовые. Включались они в сбруйные наборы раннескифского облика с бронзовыми литыми стремечковидными удилами и соответствующей своеобразной фурнитурой (рис. 11: 8, 9). Встречаются преимущественно в погребениях майэмирской культуры примерно в 2 тыс. км к востоку в Горном Алтае и его предгорьях (республика Алтай и Алтайский край, Россия; Восточный Казахстан). Сравнительно небольшое количество их известно ещё далее к востоку в небольшом районе Тувы (Россия) (см. обзор: Шульга 2008: 60—61). К западу от предгорий Алтая У-образные псалии не известны. Однако, в Центральный Казахстан и Приаралье в раннескифское время с Алтая проникали сопутствующие им бронзовые псалии с Т-образными шпеньками (Вишневская 1973: табл. IX: 17, 18; Кадырбаев 1966: рис. 66: 37). находка в Жагабулаке I показывает, что У-образные псалии также имели хождение на территории к западу от Алтая. Важно подчеркнуть, что этот редкий и сложный в изготовлении тип псалиев оказался единственным типом (из существовавших в VII в. до н.э. металлических раннескифских псалиев), воспроизведённым «савроматами» в железе. Не менее удивительно, что образцом послужили У-образные псалии, относящиеся к предшествующей эпохе, и бытовавшие на Алтае в 2 тыс. км к востоку.

б) Железные удила, соединённые с У-образными псалиями, относятся к западной традиции изготовления железных удил, существовавшей на территории от Причерноморья до Урала. На Северном Кавказе в этом виде они фигурируют уже в VII в. до н.э. с трёхдырчатыми псалиями в Келермесе (Галанина 1997). Они изготавливались из железного

¹⁰ Подобные удила с малыми внешними кольцами в степной Евразии периодически существовали с IX-VIII вв. до н.э. (Тува, курган Аржан-1; Синьцзян, могильник Мохучахань) (Грязнов 1980: рис. 12, 14, 20, 23 и др.; Полосьяк 1993: рис. 2; Шульга, Шульга 2020: рис. 84) по VII в. до н.э. (Северный Кавказ, Келермес) (Галанина 1997: табл. 17: 84, 85 и др.), но тогда они привязывались к центральному отверстию трёхдырчатых псалиев.

прута путём загибания концов стержня. В результате окончания удил приобретали форму петли, расположенной асимметрично грызлу. При этом, внешние петли достаточно плотно охватывали стержень псаля, чем отличались от восточных удил с большими внешними кольцами. В Южном Приуралье все, даже самые ранние, железные удила уже были с петельчатыми окончаниями (см. Очир-Горяева 2012: 226—313) за исключением, своеобразных переходных из Сары (Смирнов 1961: рис. 45: 1). Этот факт демонстрирует полное господство в регионе пришедшей с запада традиции в изготовлении железных удил.

К востоку от Урала (включая Синьцзян и Северный Китай) кольчатые окончания бронзовых литых удил, и появившихся в VI в. до н.э. железных кованых удил, выглядели иначе. Во многих районах до III в. до н.э. там сохранялось производство литых бронзовых удил с кольчатыми окончаниями, расположенными симметрично грызлу. Железные удила копировали их. Даже в каменной культуре на Верхней Оби, не использовавших бронзовые удила (Шульга 2015: 176—177), и где зафиксированы детали сбруи типа найденной в Филипповке (Шульга 2015: рис. 64: 8—10) нет петельчатых удил. Внешние и внутренние кольца бронзовых и железных удил VI—IV вв. до н.э. на востоке были симметричны по отношению к грызлу. Указанные западные и восточные типы удил не проникали за ареалы их основного распространения. Так, «савроматских» железных удил VI—IV вв. до н.э. нет в Южной Сибири, а синхронных им восточных удил нет на Южном Урале.

Таким образом, в железной уздечке из погребения 3 мы находим необычное сочетание У-образных псалиев восточной формы раннескифского времени с удилами западной традиции, появившейся на Южном Урале уже после исчезновения У-образных псалиев на Алтае. Очевидно, что мастер, изготовивший эту неразъёмную конструкцию, следовал западной традиции. Мы не можем знать, почему он воспроизвёл в железе сложные У-образные удила, но можем полагать, что к тому времени снаряжение раннескифского времени из Приуралья ещё было известно. Следует отметить, что в отличие от областей к востоку от Урала (где сбруйная фурнитура втор. половины VI—V вв. до н.э. сильно отличается от раннескифской), в сбруе Южного Приуралья сохраняется ряд значимых переходных черт. К ним, в частности, относится сохранившаяся конструкция из сочетавшихся двучастной левосторонней и односторонней правосторонних застёжек (комплект № 1 с пряжкой и блоком, имеющих щитки), а также распределители с козырьком, известные в Приуралье в VII в. до н.э. (имелись на уздечке в погребении соседнем погребении 2 кургана 1). На наш взгляд, конское снаряжение из погребения 3 и других ранних «савроматских» погребений является дополнительным аргументом в пользу их удрвнения до середины VI в. до н.э.

Литература

- Байпаков К.М., Сейткалиев М.К. 2011. Археологические исследования на могильнике Кырык-Оба II в 2010 году. В: Хабдулина М.К. (гл. ред.). *Маргулановские чтения-2011. Материалы международной археологической конференции*. Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 199—200.
- Берлизов Н.Е. 2011. *Ритмы Сарматии. Савромато-сарматские племена Южной России в VII в. до н.э. — V в. н.э.* Ч. I. Краснодар: КГУКИ; Парабеллум.
- Васильев В.Н. 2001. *Вооружение и военное дело кочевников Южного Урала в VI—II вв. до н.э.* Уфа: Гилем.
- Вишневецкая О.А. 1973. *Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н.э.: По материалам Уйгарака*. Москва: Наука.
- Галанина Л.К. 1997. *Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи*. Москва: Палеограф (Степные народы Евразии. Т. I).
- Грязнов М.П. 1980. *Аржан: Царский курган раннескифского времени*. Ленинград: Наука.

- Гуцалов С.Ю. 2004. *Древние кочевники Южного Приуралья VII—I вв. до н.э.* Уральск: [б.и.].
- Гуцалов С.Ю. 2010. Погребальные сооружения могильника Кырык-Оба II в Западном Казахстане. *РА* 2, 51—66.
- Гуцалов С.Ю. 2007. Погребальные памятники кочевой элиты Южного Приуралья середины I тыс. до н.э. *Археология, этнография и антропология Евразии* 2, 75—92.
- Гуцалов С.Ю. 2011а. Этнокультурная специфика могильника Кырык-Оба II. *РА*, 81—96.
- Гуцалов С.Ю. 2011б. Об этнокультурной ситуации на территории Казахстана на рубеже VI—V вв. до н.э. В: *Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы: материалы международной научной конференции, посвященной 20-летию Независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК*. Т. 2. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 166—173.
- Гуцалов С.Ю., Виноградов С.М. 2002. Случайные находки предметов вооружения I тыс. до н.э. с территории Западного Казахстана. *НАВ* 5, 377—382.
- Гуцалов С.Ю., Мамедов А.М. 2021. Погребальные комплексы могильника Уркач-I. Ч. 1. Онгар А. (гл. ред.). *Маргулановские чтения-2021: материалы международной научно-практической конференции «Великая степь в контексте этнокультурных исследований», посвященной 30-летию Независимости Республики Казахстан и 30-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, 26—27 октября 2021 г.)*. Т. 2. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 45—72.
- Демиденко С.В. 2008. *Бронзовые котлы древних племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья (V в. до н.э. — III в. н.э.)*. Москва: ЛКИ.
- Иванчик А.И. 2001. *Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени*. Москва: Палеограф (Степные народы Евразии. Т. II).
- Исмагилов Р.Б. 1988. Погребение Большого Гумаровского кургана в Южном Приуралье и проблема происхождения скифской культуры. *АСГЭ* 29, 29—47.
- Итина М.А., Яблонский М.Т. 1997. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). Москва: РОССПЭН.
- Кадырбаев М.К. 1966. Памятники тасмолинской культуры. В: Маргулан А.Х. (ред.). *Древняя культура Центрального Казахстана*. Алма-Ата: Наука, 303—428.
- Кадырбаев М.К. 1984. Курганные некрополи верховьев р. Илек. В: Мелюкова А.И., Мошкова М.Г., Петренко В.Г. (ред.). *Древности Евразии в скифо-сарматское время*. Москва: Наука, 84—107.
- Кубарев В.Д., Шульга П.И. 2007. *Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула)*. Барнаул: Алтайский университет.
- Мамедов А.М. 2016. Железные подпружные пряжки и блоки ранних кочевников Южного Урала. В: Онгарулы А. (отв. ред.). *Саки и савроматы Казахских степей: контакт культур: Сборник научных статей, посвященный памяти археолога Бекена Нурмуханбетова*. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 121—127.
- Мамедов А.М., Китов Е.П. 2015. Погребальный обряд ранних кочевников верхнего Илека (по материалам могильника Сапидулак). *Известия Национальной академии наук Республики Казахстан. Серия общественных и гуманитарных наук* 6, 19—60.
- Мелюкова А.И. 1964. *Вооружение скифов*. Москва: Наука (САИ Д1-27).
- Мышкин В.Н. 2010. Периодизация культуры кочевников Южного Урала в I тыс. до н.э. и прохоровская культура в отечественной историографии. *Известия Самарского научного центра РАН (Археология и этнография)*. Т. 12. № 6 (38), 265—267.
- Мышкин В.Н. 2018. Подпружные застёжки из курганов кочевников Южного Приуралья скифского времени. В: Мышкин В.Н. (отв. ред.). *Археология ранних кочевников Евразии*. Самара: Книжное издательство, 41—62.
- Ольховский В.С. 2005. *Монуументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа*. Москва: Наука.
- Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л. 1994. *Скифские изваяния VII—III вв. до н.э.* Москва: Институт Археологии РАН.
- Очир-Горяева М.А. 2012. *Древние всадники степей Евразии*. Москва: Таус.
- Полосьмак Н.В. 1993. Исследование памятников скифского времени на Укоке. *Altaica* 3, 21—31.
- Пшеничнюк А.Х. 1983. *Культура ранних кочевников Южного Урала*. Москва: Наука.
- Пшеничнюк А.Х. 2012. *Филипповка: Некрополь кочевой знати IV века до н.э. на Южном Урале*. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН.

- Смаилов Ж.Е., Сейткалиев М.К. 2009. Археологические исследования на н. Кырык-Оба II в 2008 г. В: *Отчет об археологических исследованиях по Государственной программе «Культурное наследие» 2008 г.* Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 178—181.
- Самашев З.С. 2018. К изучению культуры ранних саков Восточного Казахстана. В: Уразова А.И. (ред.). *Древние и средневековые общества Евразии: перекресток культур.* Уфа: Мир печати, 109—117.
- Смирнов К.Ф. 1961. *Вооружение савроматов.* Москва: АН СССР (МИА 101).
- Смирнов К.Ф. 1964. *Савроматы. Ранняя история и культура сарматов.* Москва: Наука.
- Смирнов К.Ф. 1975. *Сарматы на Илеке.* Москва: Наука.
- Степанова Е.В. 2006. Эволюция конского снаряжения и относительная хронология памятников пазырыкской культуры. *АВ* 13, 102—150.
- Таиров А.Д. 1999. Средняя Азия во второй половине VI в. до н.э. и кочевой мир Южного Урала. В: *Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий.* Барнаул: Алтайский государственный университет, 173—175.
- Таиров А.Д. 2000. Прохоровская культура Южного Урала: генезис и эволюция. В: Мышкин В.Н. (отв. ред.). *Раннесарматская культура: формирование, развитие и хронология: Материалы IV международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории».* Вып. 1. Самара: СНИЦ РАН, 16—27.
- Таиров А.Д. 2006. Саки Приаралья в степях Южного Зауралья (По материалам могильника Маровый Шлях). В: Пшеничнюк А.Х. (отв. ред.). *Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время: Сборник статей к 70-летию Анатолия Харитоновича Пшеничнюка.* Уфа: Гилем, 76—91.
- Таиров А.Д. 2007. *Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII-VI вв. до н.э.* Челябинск: ЮУрГУ.
- Таиров А.Д. 2015. Комплекс раннескифского времени кургана 5 могильника Кичигино I в Южном Зауралье. В: Бейсенов А.З. (отв. ред.). *Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии.* Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 300—319.
- Чугунов К.В. 2016. Парадные пояса кочевников Азии в раннескифское время. В: Деревянко А.П., Молодин В.И. (отв. ред.). *Алтай в кругу евразийских древностей.* Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 336—356.
- Шульга П.И. 2008. *Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае.* Ч. I: *Раннескифское время.* Барнаул: Азбука.
- Шульга П.И. 2013. *Конское снаряжение ранних кочевников Минусинской котловины (по материалам Минусинского музея им. Н.М. Мартынова).* Новосибирск: РИЦ НГУ.
- Шульга П.И. 2015. *Снаряжение верховой лошади в Горном Алтае и Верхнем Приобье. Часть II (среднескифское время).* Новосибирск: РИЦ НГУ.
- Шульга П.И., Шульга Н.Ф. 2004. Новые находки раннескифских сбруйных наборов на Алтае и вопрос о назначении «налобных» блях. В: Деревянко А.П. (отв. ред.). *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2003 г.).* Т. X. Ч. I. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 451—455.
- Шульга П.И., Шульга Д.П. 2020. *Могильник Мохучахань культуры чауху в предгорьях Тянь-Шаня (Синьцзян, Китай).* Новосибирск: ИАЭТ СО РАН.
- Яблонский Л.Т., Рукавишников И.В. 2007. Вооружение раннесарматского воина (по материалам Филипповского-1 могильника). В: Яблонский Л.Т. (отв. ред.). *Вооружение сарматов: региональная типология и хронология: доклады к VI международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории».* Челябинск: ЮУрГУ, 16—23.
- Яблонский Л.Т. 2013. *Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Филипповка I (по материалам раскопок 2004—2009 гг.). Каталог коллекции.* Кн. 1. Москва: ИА РАН.
- Яблонский Л.Т. 2015. Культурно-хронологические горизонты и проблема формирования раннесарматской культуры. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения.* Т. 35. № 5, 17—24.

References

- Baypakov, K.M., Seytkaliev, M.K. 2011. In: Khabdulina, M.K. (ed.). *Margulanovskiye chteniya-2011. Materialy mezhdunarodnoy arkheologicheskoy konferentsii (Margulan Readings-2011. Materials of the international archaeological conference)*. Astana: YENU im. L.N. Gumileva, 199—200 (in Russian).
- Berlizov, N.E. 2011. *Ritmy Sarmatii. Savromato-sarmatskiye plemena Yuzhnoy Rossii v VII v. do n.e. — V v. n.e. (Rhythms of Sarmatia. Savromato-Sarmatian tribes of South Russia in the 7th century BCE — 5th century CE)*. Pt. I. Krasnodar: KGUKI; Parabellum (in Russian).
- Vasil'ev, V.N. 2001. *Vooruzheniye i voyennoye delo kochevnikov Yuzhnogo Urala v VI—II vv. do n.e. (Armament and military affairs of the nomads of the Southern Urals in the 6th — 2nd centuries BCE)*. Ufa: Gilem (in Russian).
- Vishnevskaya, O.A. 1973. *Kul'tura sakskikh plemen nizov'yev Syrdar'i v VII—V vv. do n.e.: Po materialam Uygarka (Culture of the Saka tribes in the lower reaches of the Syrdarya in the 7th — 5th centuries BCE: Based on materials from Uygarak)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Galanina, L.K. 1997. *Kelermesskiye kurgany. "Tsarskiye" pogrebeniya ranneskifskoy epokhi (Kelermes barrows. "Royal" burials of the early Scythian era)*. Moscow: Paleograf (Steppe peoples of Eurasia. Vol. I) (in Russian).
- Gryaznov, M.P. 1980. *Arzhan: Tsarskiy kurgan ranneskifskogo vremeni (Arzhan: The Royal Mound of the Early Scythian Time)*. Leningrad: Nauka (in Russian).
- Gutsalov, S.Yu. 2004. *Drevniye kochevniki Yuzhnogo Priural'ya VII—I vv. do n.e. (Ancient nomads of the Southern Urals of the 7th — 1st centuries BCE)*. Ural'sk: [s.n.] (in Russian).
- Gutsalov, S.Yu. 2010. In *Rossiyskaya arheologiya (Russian archaeology)* 2, 51—66 (in Russian).
- Gutsalov, S.Yu. 2007. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia)* 2, 75—92 (in Russian).
- Gutsalov, S.Yu. 2011a. In *Rossiyskaya arheologiya (Russian archaeology)*, 81—96 (in Russian).
- Gutsalov, S.Yu. 2011b. In: *Arkheologiya Kazakhstana v epokhu nezavisimosti: itogi, perspektivy: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 20-letiyu Nezavisimosti Respubliki Kazakhstan i 20-letiyu Instituta arkheologii im. A.Kh. Margulana KN MON RK (Archaeology of Kazakhstan in the era of independence: results, prospects: materials of the international scientific conference dedicated to the 20th anniversary of the Independence of the Republic of Kazakhstan and the 20th Anniversary of the Institute of Archaeology named after A.Kh. Margulan of the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan)*. Vol. 2. Almaty: Institut arkheologii im. A.Kh. Margulana, 166—173 (in Russian).
- Gutsalov, S.Yu., Vinogradov, S.M. 2002. In *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskii Vestnik (The Lower Volga Archaeological Bulletin)* 5, 377—382 (in Russian).
- Gutsalov, S.Yu., Mamedov, A.M. 2021. In: Ongar, A. (ed.). *Margulanovskiye chteniya-2021: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Velikaya step' v kontekste etnokul'turnykh issledovaniy", posvyashchennoy 30-letiyu Nezavisimosti Respubliki Kazakhstan i 30-letiyu Instituta arkheologii im. A.Kh. Margulana (g. Almaty, 26—27 oktyabrya 2021 g.) (Margulan readings-2021: materials of the international scientific-practical conference "The Great Steppe in the context of ethnocultural research", dedicated to the 30th Anniversary of the Independence of the Republic of Kazakhstan and the 30th Anniversary of the Institute of Archaeology. A.Kh. Margulan (Almaty, October 26—27, 2021))*. Vol. 2. Almaty: Institut arkheologii im. A.Kh. Margulana, 45—72 (in Russian).
- Demidenko, S.V. 2008. *Bronzovye kotly drevnikh plemen Nizhnego Povolzh'ya i Yuzhnogo Priural'ya (V v. do n.e. — III v. n.e.) (Bronze cauldrons of the ancient tribes of the Lower Volga and Southern Urals (5th century BCE — 3rd century CE))*. Moscow: LKI (in Russian).
- Ivanchik, A.I. 2001. *Kimmeriytsy i skify. Kul'turno-istoricheskiye i khronologicheskiye problemy arkheologii vostochnoyevropeyskikh stepey i Kavkaza pred- i ranneskifskogo vremeni (Cimmerians and Scythians. Cultural-historical and chronological problems of the archaeology of the Eastern European steppes and the Caucasus in pre- and early Scythian times)*. Moscow: Paleograf (Steppe peoples of Eurasia. Vol. II) (in Russian).
- Ismagilov, R.B. 1988. In *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Collection of Articles on Archaeology of the State Hermitage)* 29, 29—47 (in Russian).
- Itina, M.A., Yablonskiy, M.T. 1997. *Saki Nizhney Syrdar'i (po materialam mogil'nika Yuzhnyi Tagisken) (Saks of the Lower Syr Darya (based on materials from the Southern Tagisken burial ground))*. Moscow: ROSSPEN (in Russian).

- Kadyrbaev, M.K. 1966. In: Margulan, A.Kh. (ed.). *Drevnyaya kul'tura Tsentral'nogo Kazakhstana (Ancient culture of Central Kazakhstan)*. Alma-Ata: Nauka, 303—428 (in Russian).
- Kadyrbaev, M.K. 1984. In: Melyukova, A.I., Moshkova, M.G., Petrenko, V.G. (eds.). *Drevnosti Evrazii v skifo-sarmatskoye vremya (Antiquities of Eurasia in the Scythian-Sarmatian time)*. Moscow: Nauka, 84—107 (in Russian).
- Kubarev, V.D., Shulga, P.I. 2007. *Pazyrykskaya kul'tura (kurgany Chui i Ursula) (Pazyryk culture (mounds Chui and Ursula))*. Barnaul: Altayskiy universitet (in Russian).
- Mamedov, A.M. 2016. In: Ongaruly, A. (ed.). *Saki i savromaty Kazakhskikh stepey: kontakt kul'tur: Sbornik nauchnykh statey, posvyashchenny pamyati arkheologa Bekena Nurmukhanbetova (Saks and Savromats of the Kazakh Steppes: Contact of Cultures: A collection of scientific articles dedicated to the memory of archaeologist Beken Nurmukhanbetov)*. Almaty: Institut arkheologii im. A.Kh. Margulana, 121—127 (in Russian).
- Mamedov, A.M., Kitov, E.P. 2015. In *Izvestiya Natsional'noy akademii nauk Respubliki Kazakhstan. Seriya obshchestvennykh i gumanitarnykh nauk (Proceedings of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. Series of Social Sciences and Humanities)* 6, 19—60 (in Russian).
- Melyukova, A.I. 1964. *Vooruzheniye skifov (Armament of the Scythians)*. Moscow: Nauka (Corpus of Archaeological Sources D1-27) (in Russian).
- Myshkin, V.N. 2010. In *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN (Arkheologiya i etnografiya) (Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (Archaeology and Ethnography))*. Vol. 12. No. 6 (38), 265—267 (in Russian).
- Myshkin, V.N. 2018. In: Myshkin, V.N. (ed.). *Arkheologiya rannikh kochevnikov Evrazii (Archaeology of early Eurasian nomads)*. Samara: Knizhnoe izdatel'stvo, 41—62 (in Russian).
- Ol'khovskiy, V.S. 2005. *Monumental'naya skulptura naseleniya zapadnoy chasti evraziyskikh stepey epokhi rannego zheleza (Monumental sculpture of the population of the western part of the Eurasian steppes of the Early Iron Age)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Ol'khovskiy, V.S., Evdokimov, G.L. 1994. *Skifskiy izvayaniya VII—III vv. do n.e. (Scythian sculptures of the 7th — 3rd centuries BCE)*. Moscow: Institut Arkheologii RAN (in Russian).
- Ochir-Goryaeva, M.A. 2012. *Drevniye vsadniki stepey Evrazii (Ancient Horsemen of the Eurasian Steppes)*. Moscow: Taus (in Russian).
- Polos'mak, N.V. 1993. In *Altaica* 3, 21—31 (in Russian).
- Pshenichnyuk, A.Kh. 1983. *Kul'tura rannikh kochevnikov Yuzhnogo Urala (Culture of the early nomads of the Southern Urals)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Pshenichnyuk, A.Kh. 2012. *Filippovka: Nekropol' kochevoy znati IV veka do n.e. na Yuzhnom Urale (Filippovka: Necropolis of the nomadic nobility of the 4th century BCE in the South Urals)*. Ufa: IYAL UNTS RAN (in Russian).
- Smailov, Zh.E., Seytkaliev, M.K. 2009. In: *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh po Gosudarstvennoy programme "Kul'turnoye nasledie" 2008 g. (Report on archaeological research under the State Program "Cultural Heritage" 2008)*. Almaty: Institut arkheologii im. A.Kh. Margulana, 178—181 (in Russian).
- Samashev, Z.S. 2018. In: Urazova, A.I. (ed.). *Drevniye i srednevekovyye obshchestva Evrazii: perekrestok kul'tur (Ancient and medieval societies of Eurasia: crossroads of cultures)*. Ufa: Mir pechati, 109—117 (in Russian).
- Smirnov, K.F. 1961. *Vooruzheniye savromatov (Armament of the Savromats)*. Moscow: AN SSSR (Materials and Research on the. Archaeology of the USSR 101) (in Russian).
- Smirnov, K.F. 1964. *Savromaty. Rannyya istoriya i kul'tura sarmatov (Savromats. Early history and culture of the Sarmatians)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Smirnov, K.F. 1975. *Sarmaty na Ileke (Sarmatians on Ileke)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Stepanova, E.V. 2006. In *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 13, 102—150 (in Russian).
- Tairov, A.D. 1999. In: *Itogi izucheniya skifskoy epokhi Altaya i sopredel'nykh territoriy (Results of the study of the Scythian era of Altai and adjacent territories)*. Barnaul: Altayskiy gosudarstvennyi universitet, 173—175 (in Russian).
- Tairov, A.D. 2000. In: Myshkin, V.N. (ed.). *Rannesarmatskaya kul'tura: formirovaniye, razvitiye i khronologiya: Materialy IV mezhdunarodnoy konferentsii "Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii" (Early Sarmatian culture: formation, development and chronology: Proceedings of the IV International Conference "Problems of Sarmatian archaeology and history")*. Iss. 1. Samara: SNTS RAN, 16—27 (in Russian).

- Tairov, A.D. 2006. In: Pshenichnyuk, A.Kh. (ed.). *Yuzhnyi Ural i sopredel'nye territorii v skifo-sarmatskoe vremya: Sbornik statey k 70-letiyu Anatoliya Kharitonovicha Pshenichnyuka (The Southern Urals and Adjacent Territories in the Scythian-Sarmatian Time: Collection of Articles for the 70th Anniversary of Anatoly Kharitonovich Pshenichnyuk)*. Ufa: Gilem, 76—91 (in Russian).
- Tairov, A.D. 2007. *Kochevniki Uralo-Kazakhstanskikh stepey v VII—VI vv. do n.e. (Nomads of the Ural-Kazakhstan steppes in the 7th — 6th centuries BCE)*. Chelyabinsk: YUUrGU (in Russian).
- Tairov, A.D. 2015. In: Beysenov, A.Z. (ed.). *Sakskaya kul'tura Saryarki v kontekste izucheniya etnosotsiokul'turnykh protsessov Stepnoy Evrazii (Saka culture of Saryarka in the context of the study of ethno-socio-cultural processes of Steppe Eurasia)*. Almaty: NITSIA “Begazy-Tasmola”, 300—319 (in Russian).
- Chugunov, K.V. 2016. In: Derevyanko, A.P., Molodin, V.I. (ed.). *Altay v krugu yevraziyskikh drevnostey (Altai in the circle of Eurasian antiquities)*. Novosibirsk: IAET SO RAN, 336—356 (in Russian).
- Shulga, P.I. 2008. *Snaryazhenie verkhovoy loshadi i voinskiye poyasa na Altae (Riding horse equipment and military belts in Altai)*. Pt. I: *Ranneskifskoe vremya (Early Scythian time)*. Barnaul: Azbuka (in Russian).
- Shulga, P.I. 2013. *Konskoe snaryazhenie rannikh kochevnikov Minusinskoy kotloviny (po materialam Minusinskogo muzeya im. N.M. Mart'yanova) (Horse equipment of the early nomads of the Minusinsk Basin (based on the materials of the Minusinsk Museum named after N.M. Martyanov))*. Novosibirsk: RITS NGU (in Russian).
- Shulga, P.I. 2015. *Snaryazhenie verkhovoy loshadi v Gornom Altae i Verkhnem Priob'e. Chast' II (sredneskifskoye vremya) (Riding horse equipment in the Altai Mountains and the Upper Ob. Part II (Middle Scythian time))*. Novosibirsk: RITS NGU (in Russian).
- Shulga, P.I., Shulga, N.F. 2004. In: Derevyanko, A.P. (ed.). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy (Materialy Godovoy sessii Instituta arkheologii i etnografii SO RAN 2003 g.) (Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories (Materials of the Annual Session of the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2003))*. Vol. X. Pt. I. Novosibirsk: Institut arkheologii i etnografii SO RAN, 451—455 (in Russian).
- Shulga, P.I., Shulga, D.P. 2020. *Mogil'nik Mokhuchakhan' kul'tury chaukhu v predgor'yakh Tyan'-Shanya (Sin'tszyan, Kitay) (Mohuchahan burial ground of the Chauhu culture in the foothills of the Tien Shan (Xinjiang, China))*. Novosibirsk: IAET SO RAN (in Russian).
- Yablonskiy, L.T., Rukavishnikova, I.V. 2007. In: Yablonskiy, L.T. (ed.). *Vooruzheniye sarmatov: regional'naya tipologiya i khronologiya: doklady k VI mezhdunarodnoy konferentsii “Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii” (Armament of the Sarmatians: regional typology and chronology: reports to the VI international conference “Problems of Sarmatian archaeology and history”)*. Chelyabinsk: YUUrGU, 16—23 (in Russian).
- Yablonskiy, L.T. 2013. *Zoloto sarmatskikh vozhdey. Elitnyy nekropol' Filippovka 1 (po materialam raskopok 2004—2009 gg.). Katalog kolleksii (Gold of the Sarmatian leaders. Elite necropolis Filippovka 1 (based on excavations in 2004-2009). Collection catalog.)*. Bk. 1. Moscow: IA RAN (in Russian).
- Yablonskiy, L.T. 2015. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya (Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations)*. Vol. 35. No. 5, 17—24 (in Russian).

Рис. 1а. Общий вид на могильник Жагабулак I с запада. На переднем плане курган 1.

Fig. 1a. General view of Zhagabulak I's burial ground from the west. Mound 1 is in the foreground.

Рис. 1б. Общий вид на курган 1 с севера.

Fig. 1b. General view of mound 1 from the north.

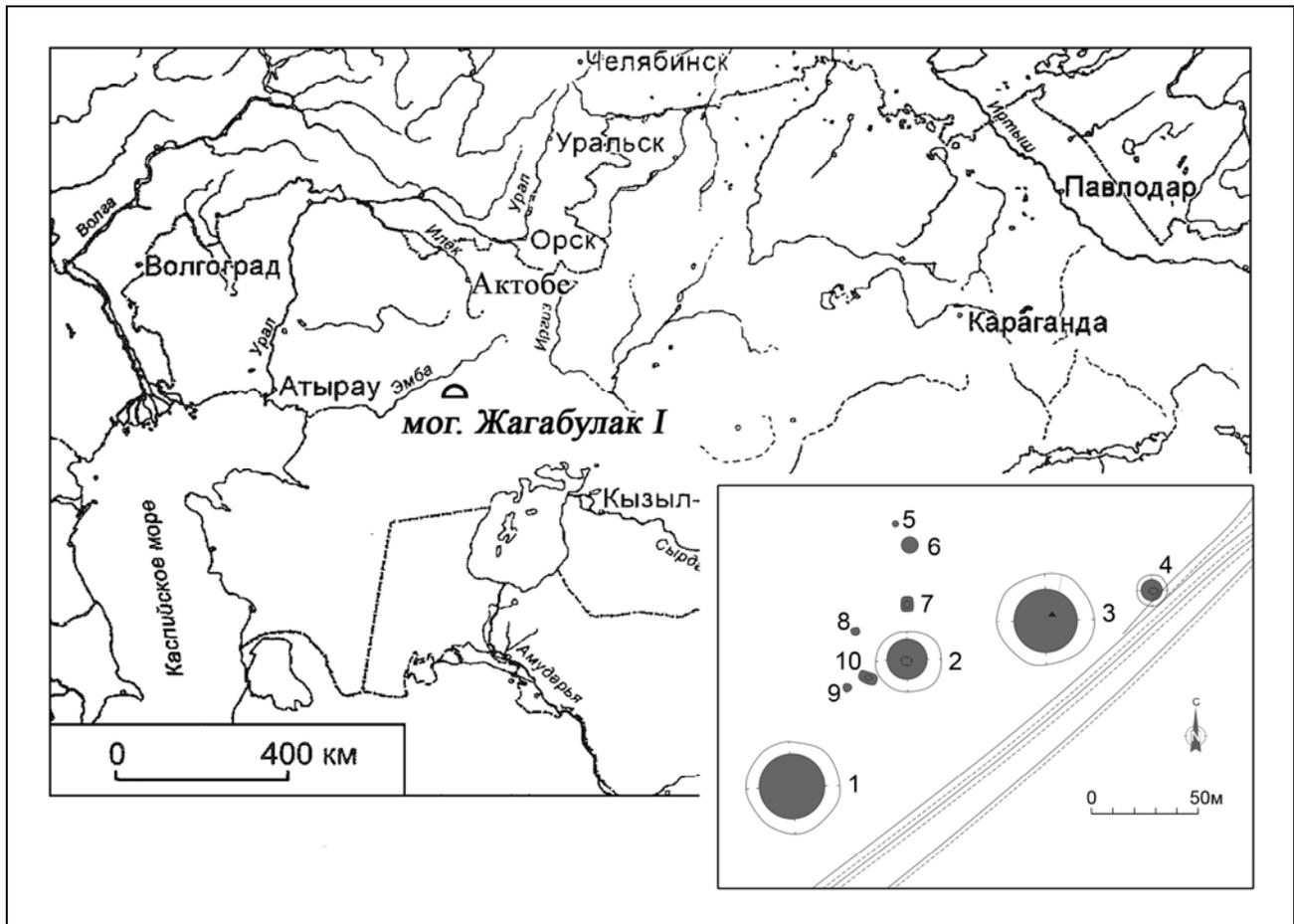
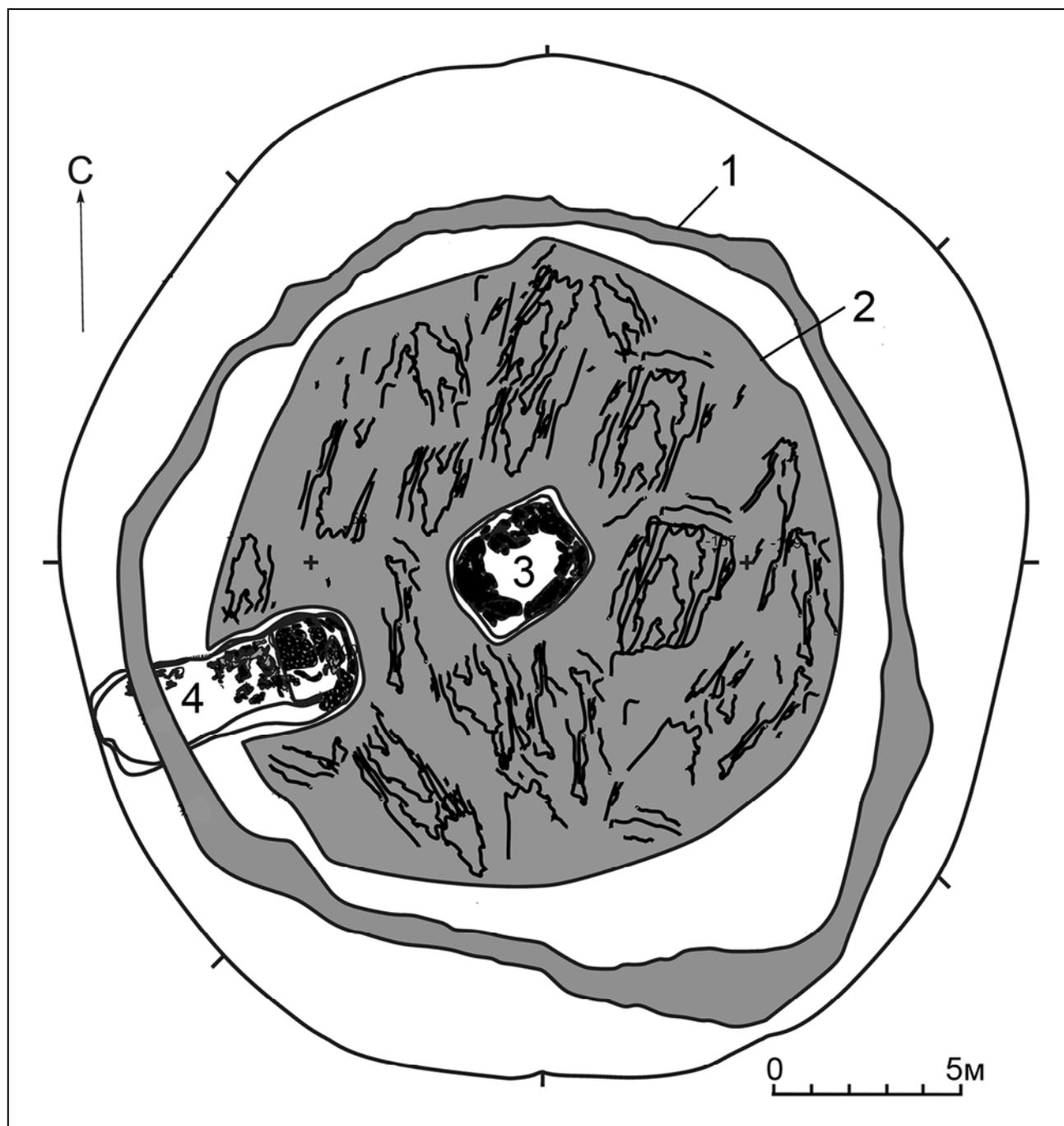

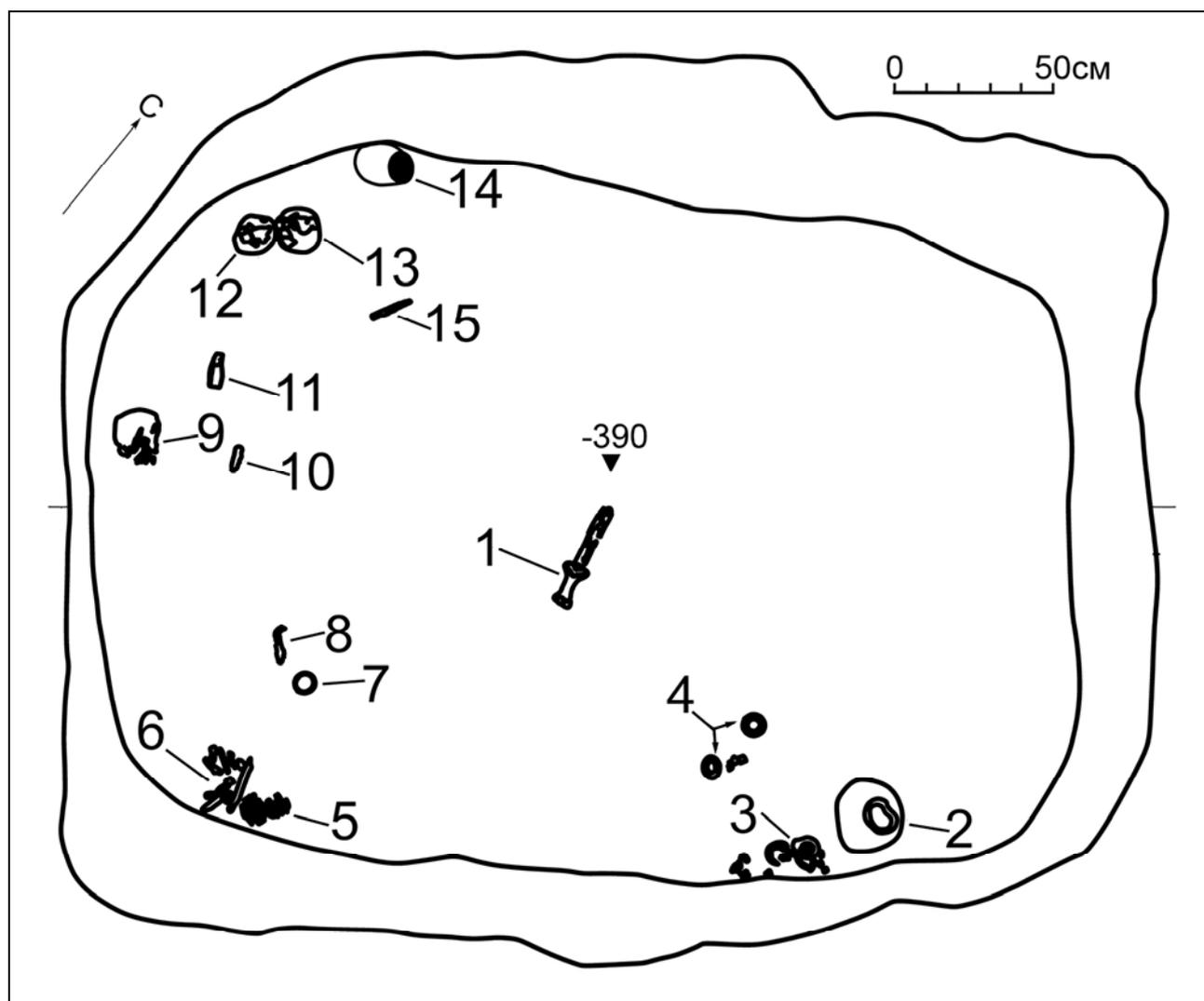
Рис. 2. Карта расположения могильника Жагабулак I (а), план могильника Жагабулак I (б).

Fig. 2. Map of the Zhagabulak I (a) burial ground location plan of Zhagabulak I (b) burial ground.

Рис. 3. Могильник Жагабулак I. Курган 1. План: 1 — вал из глины; 2 — тлен настила; 3 — погребение 3; 4 — погребение 2 с дромосом.

Fig. 3. Burial ground Zhagabulak I. Mound 1. Plan: 1 — clay shaft; 2 — decay flooring; 3 — burial 3; 4 — burial 2 with dromas.

Рис. 4. Могильник Жагабулак I. Курган 1, погребение 3. План: 1 — железный кинжал; 2 — перевернутый бронзовый котёл; 3 — комплект № 1 бронзовых предметов конского снаряжения (две подпружные пряжки и один блок, четыре бронзовые ворворки, две бляшки со щитком в виде свастики, одна подвеска в виде фигуры птицы); 4 — второй комплект бронзовых предметов конского снаряжения (подпружная пряжка и блок, три бронзовые ворворки); 5 — колчаный набор № 1; 6 — детали уздечки лошади с железными удилами, псалиями, пронизками, распределителем и тремя крупными железными изделиями; 7 — бронзовая колчанная ворворка; 8 — колчаный крючок № 1; 9 — колчаный набор № 2; 10 — колчаный крючок № 2; 11 — каменная плитка; 12 — развал керамического сосуда № 1; 13 — развал керамического сосуда № 2; 14 — перевернутый керамический сосуд № 3; 15 — железный нож.

Fig. 4. Burial ground Zhagabulak I. Mound 1, Burial 3. Plan: 1 — iron dagger; 2 — inverted bronze caldron; 3 — set No. 1 of bronze items of horse equipment (two buckles and one block, four bronze courtyards, two plaques with a shield in the form of a swastika, one pendant in the form of a bird figure); 4 — 2nd set of bronze items of horse equipment (earstring buckle and block, three bronze yards); 5 — quiver set No. 1; 6 — details of the horse bridle with iron bits, cheekpieces, dranks, distributor and three large iron products; 7 — bronze quiverwork; 8 — quiver hook No. 1; 9 — quiver set No. 2; 10 — quiver hook No. 2; 11 — stone tiles; 12 — collapse of ceramic vessel No. 1; 13 — collapse of ceramic vessel No. 2; 14 — inverted ceramic vessel No. 3; 15 — iron knife.

Рис. 5. Погребение 3. Железный кинжал.

Fig. 5. Burial 3. Iron dagger.

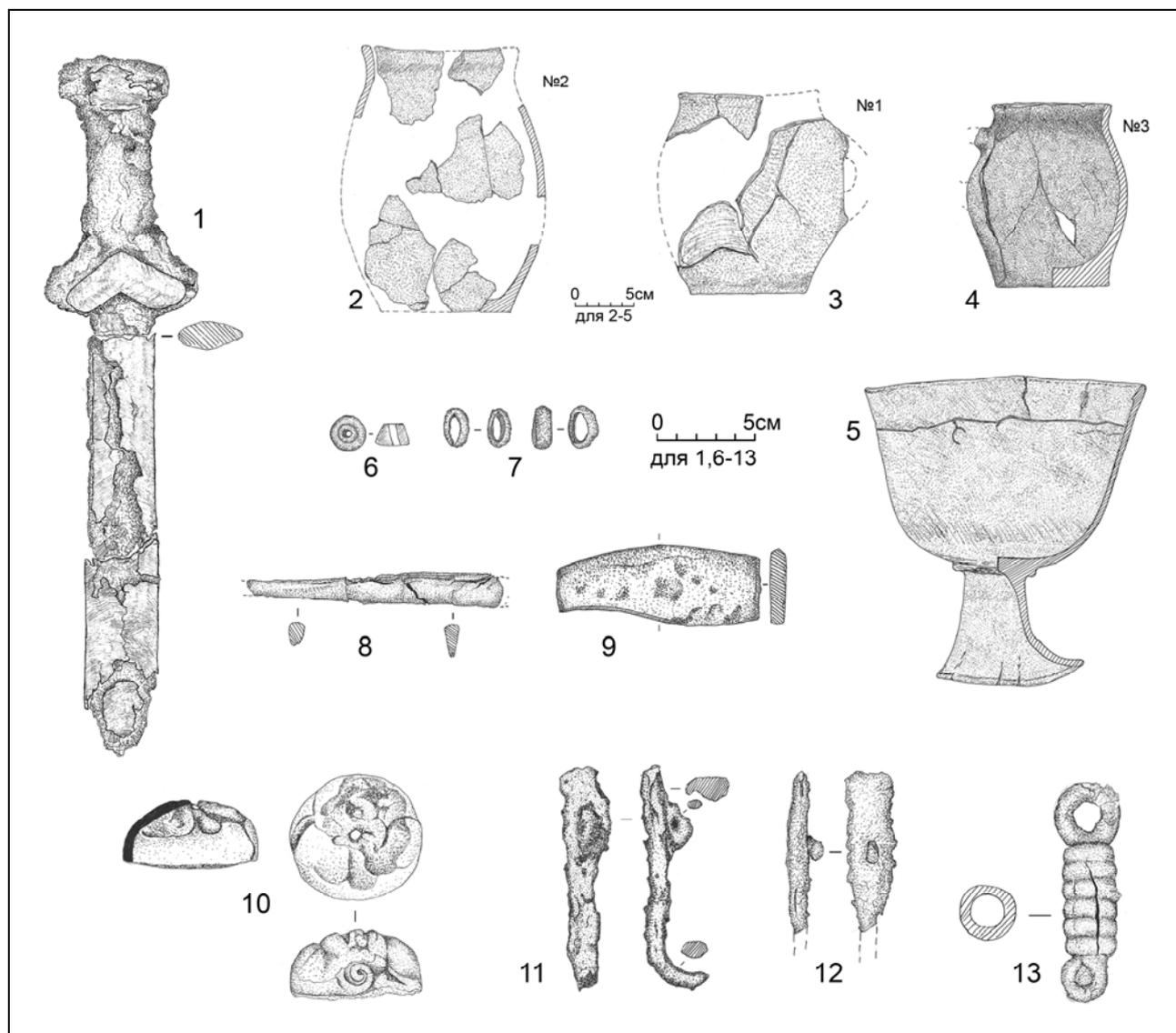
Рис. 6. Погребение 3. Бронзовый котёл.

Fig. 6. Burial 3. Bronze caldron.

Рис. 7. Погребение 3. Кинжал (1), детали конского снаряжения (2—16) и находки из заполнения могилы (17—19).

Fig. 7. Burial 3. Dagger (1), horse equipment parts (2—16) and finds from the grave filling (17—19).

Рис. 8. Погребение 3: 1 — кинжал; 2—4 — керамические сосуды; 5 — котёл; 6 — ворворка; 7 — пронизки; 8 — нож; 9 — плитка; 10 — колчанная ворворка; 11, 12 — колчанные крюки; 13 — подвеска. Железо, золото — 1, 10; железо — 8, 11—13; бронза — 5, 7; керамика — 2—4; камень — 9.

Fig. 8. Burial 3: 1 — dagger; 2—4 — ceramic vessels; 5 — boiler; 6 — yard; 7 — piercing; 8 — knife; 9 — tiles; 10 — quivered yard; 11, 12 — quivered hooks; 13 — pendant. Iron, gold — 1, 10; iron — 8, 11—13; bronze — 5, 7; ceramics — 2—4; stone — 9.

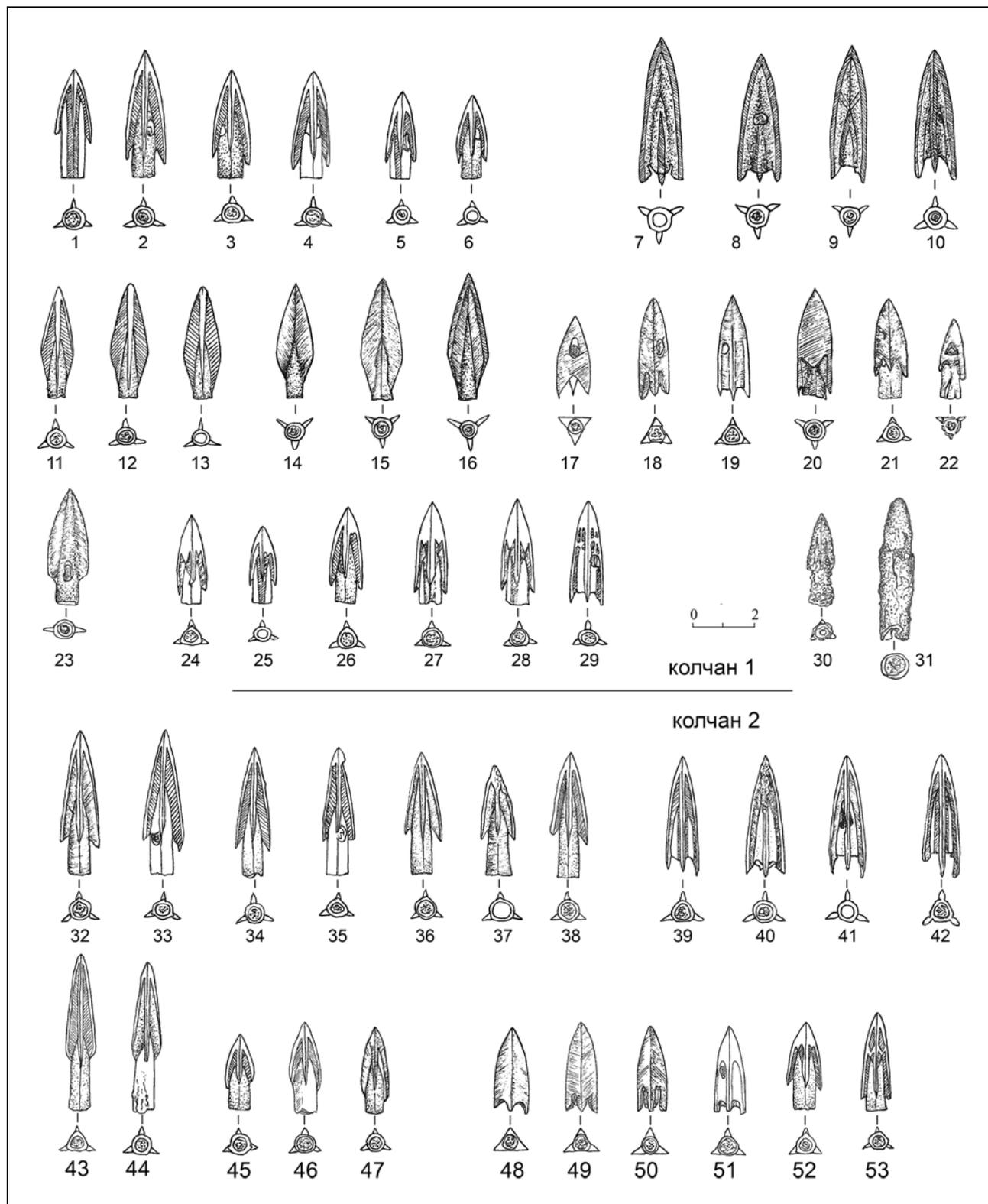

Рис. 9. Погребение 3. Наконечники стрел из наборов № 1 (1—31) и № 2 (32—53). Железо — 30, 31; остальное бронза.

Fig. 9. Burial 3. Arrowheads from sets No. 1 (1—31) and No. 2 (32—53). Iron — 30, 31; the rest is bronze.

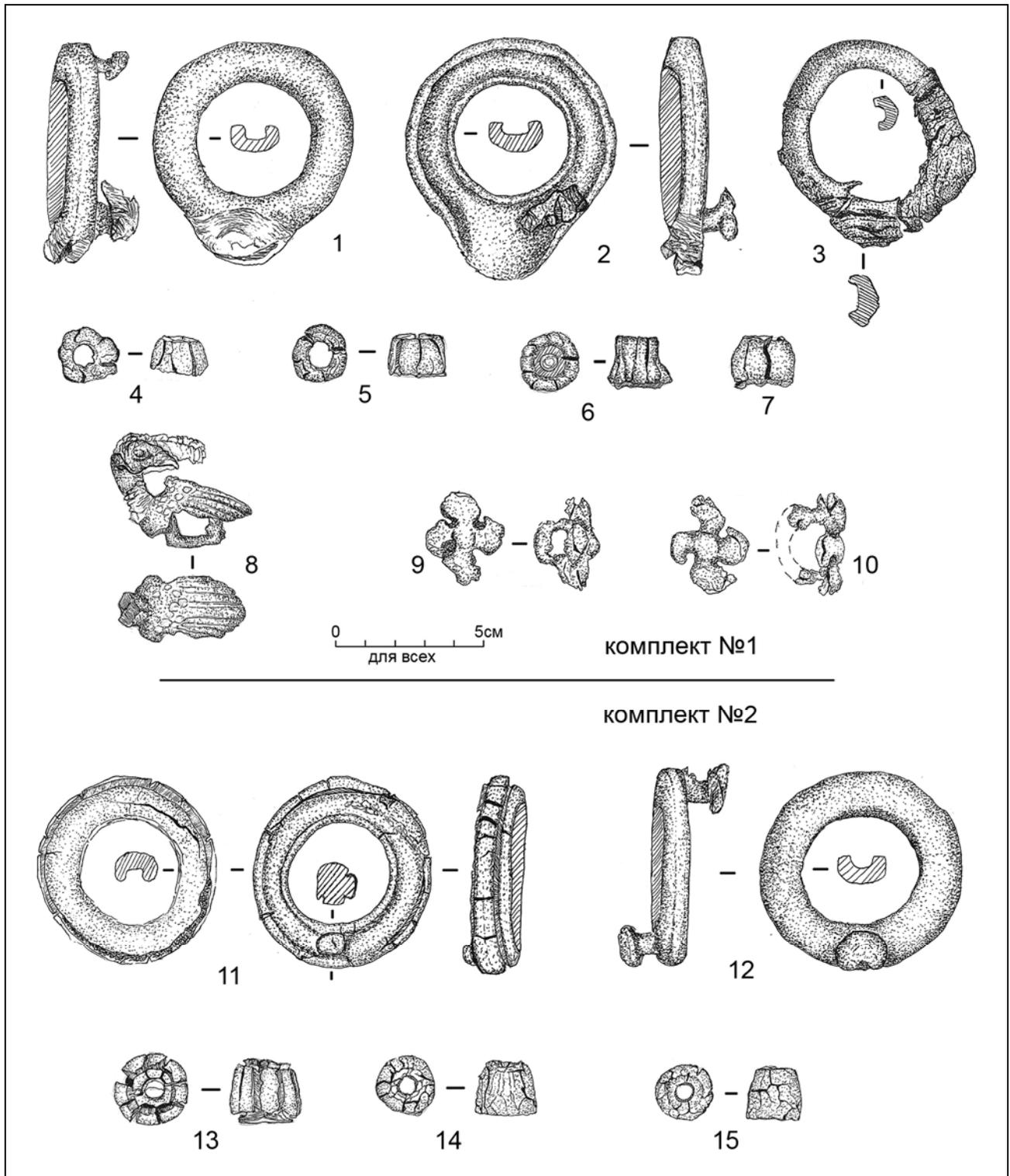
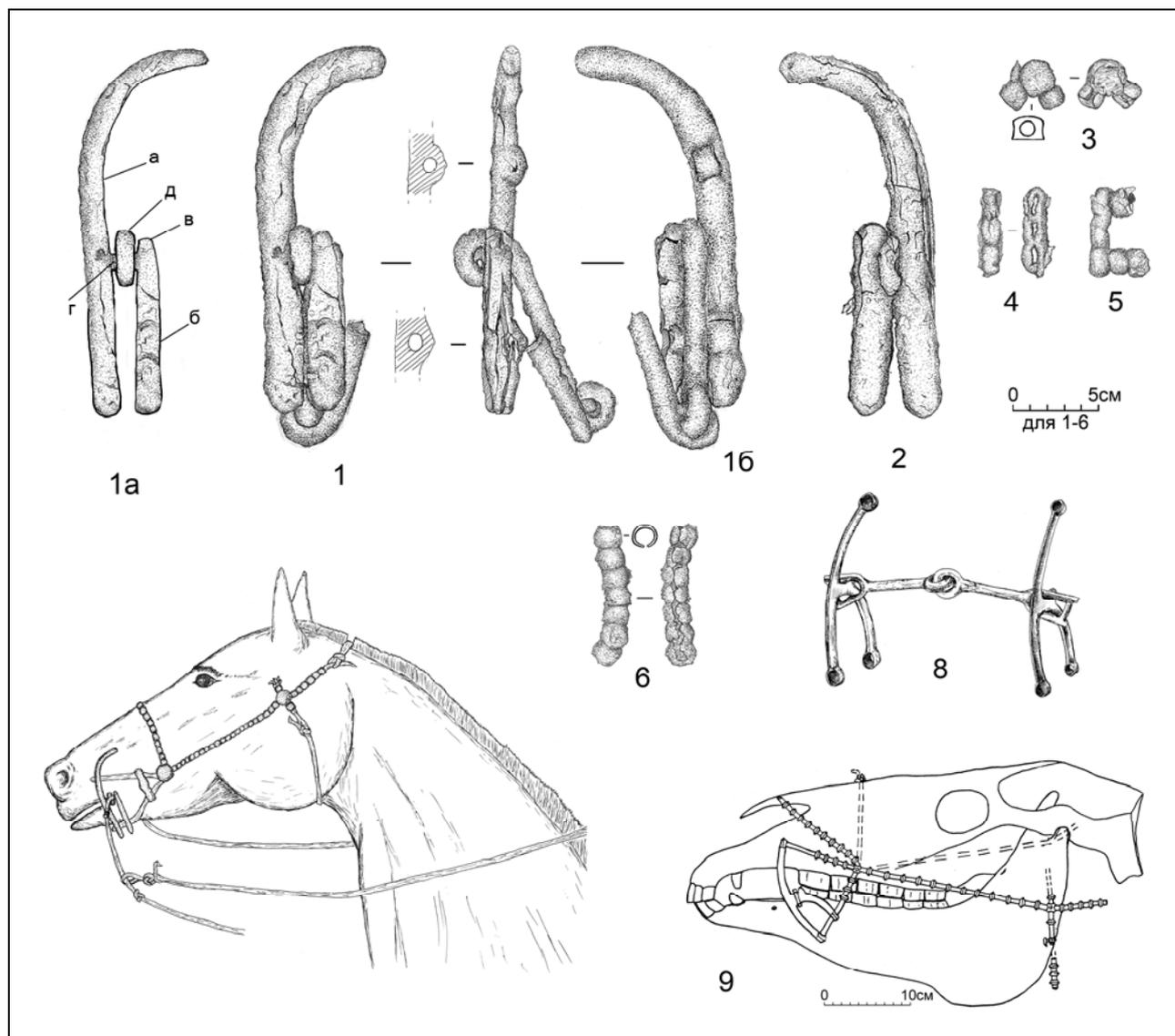

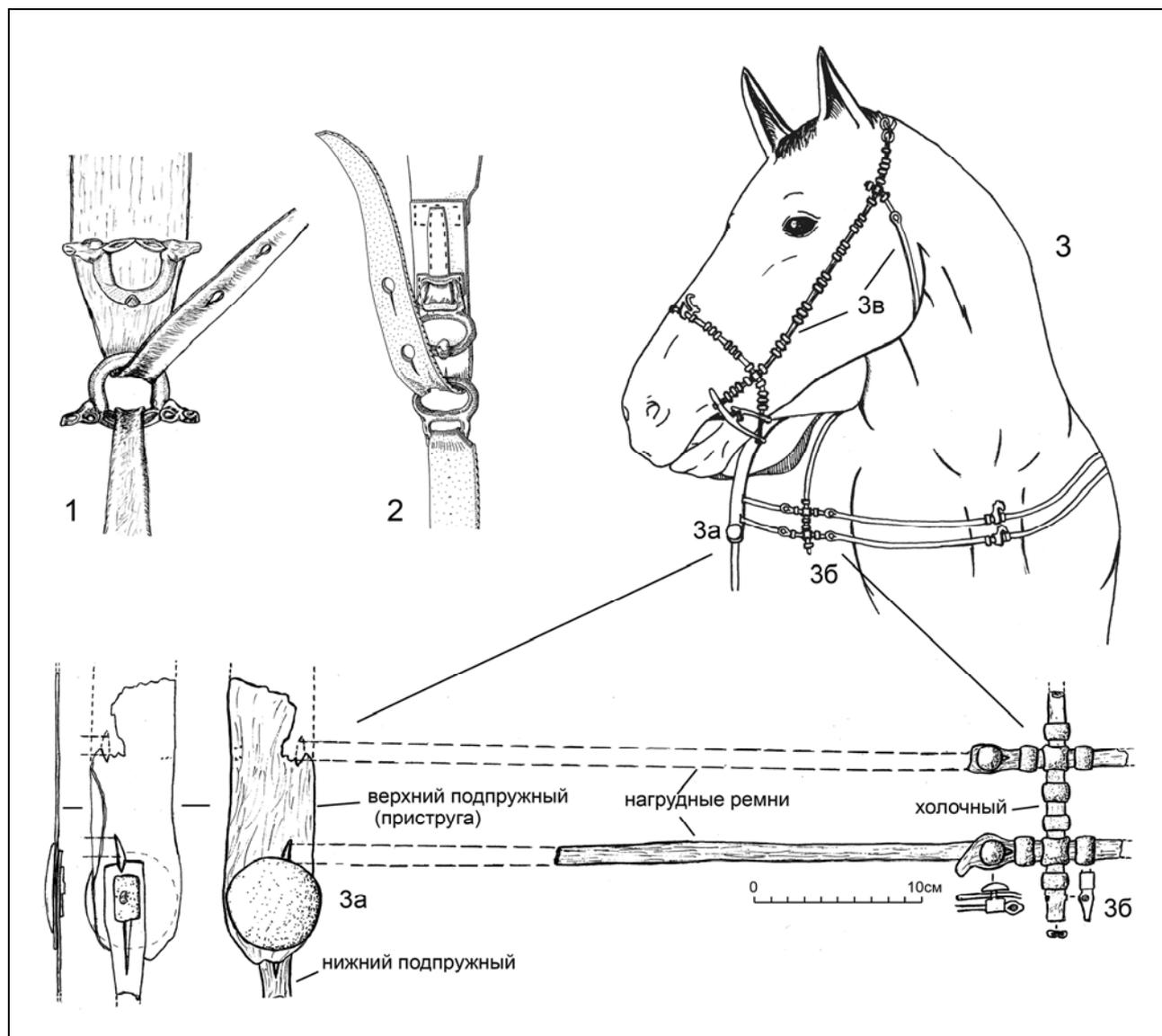
Рис. 10. Погребение 3. Бронзовые детали конского снаряжения из комплектов № 1 (1—10) и № 2 (11—15).

Fig. 10. Burial 3. Bronze parts of horse equipment from sets No. 1 (1—10) and No. 2 (11—15).

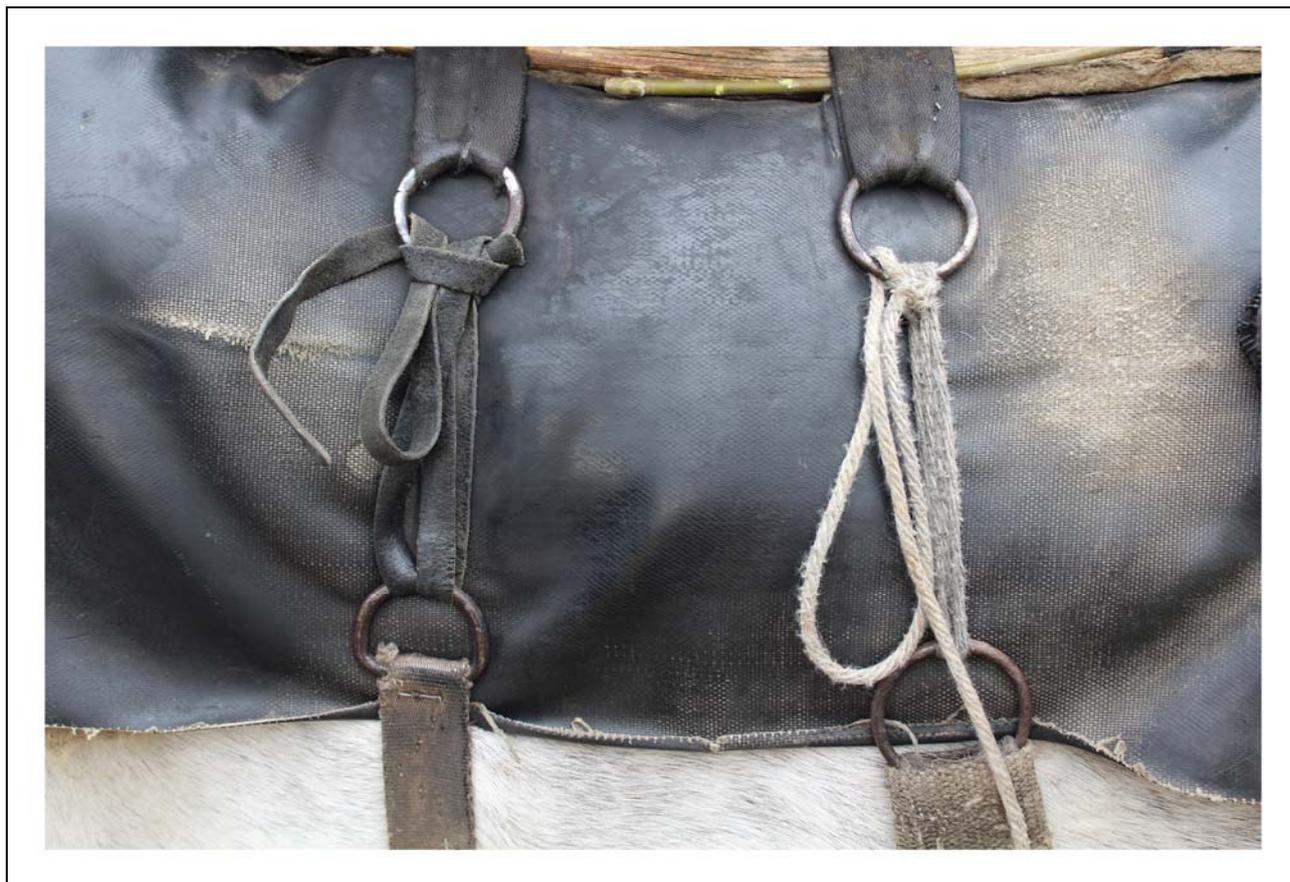
Рис. 11. Железные детали уздечки из погребения 3 (1–6): 1 — вид с внешней стороны левого U-образного псаля и звена петельчатых удиц; 1а — изначальный вид левого псаля с внешней стороны (а — основной стержень; б — коленчатый отросток; в — выступ, блокирующий удила; з — перемычка, на которой фиксировались удила; д — внешняя петля левого звена удиц); 1б — вид с внутренней стороны на левый псалий с удилами; 2 — правый U-образный псалий с внешней стороны; 3 — распределитель с прикипевшими пронизками; 4, 5 — двойтели; 6 — фрагмент истлевшего ремня уздечки, унизанного стандартными железными пронизками; 7 — реконструкция уздечки с U-образными псалями из погребения 3; 8 — взаиморасположение бронзовых U-образных псаляев и удиц во рту лошади из погребения в Машенке-1 раннескифского времени на Алтае; 9 — зафиксированные остатки уздечки с U-образными псалями на левой стороне черепа лошади в Машенке-1 (8, 9 — по Шульга 2008: рис. 35: 4, 36: 2).

Fig. 11. Iron parts of the bridle from burial 3 (1–6): 1 — view from the outside of the left U-shaped cheekpiece and loop bits link; 1a — the original view of the left cheekpiece from the outside (a — the main bit; b — cranked process; v — the protrusion blocking the bits; z — outer loop of the left link bit); 1b — view from the inside to the left cheekpiece with bits; 2 — right U-shaped cheekpiece from the outside; 3 — distributor with stuck permeations; 4, 5 — doubles; 6 — fragment of the decayed frenulum belt humiliated by standard iron permeations; 7 — reconstruction of the bridle with U-shaped cheekpieces from the burial 3; 8 — the mutual arrangement of bronze U-shaped cheekpieces and bit a horse in his mouth from the burial in Mashenka-1 early Scythian time in Altai; 9 — fixed remains of a bridle with U-shaped cheekpieces on the left side of the horse's skull in Mashenka-1 (8, 9 — after Shulga 2008: fig. 35: 4, 36: 2).

Рис. 12. 1, 2 — реконструкции способа затягивания подпруги с двучастными застёжками с Алтая из Гилёво-10 второй половины VII в. до н.э. (1) и Башадара-2 V в. до н.э. (2); 3 — реконструкция расположения седельных ремней с правосторонней бляхой застёжкой, соединяющей верхний подпружный (пристругу) и нижний подпружный ремни (Гилёво-10, могила 16): 3а, 3б — сохранившиеся подпружный ремень с бляхой-застёжкой и нагрудник на правом боку лошади; 3в — левая сторона сохранившейся уздечки. 1, 3 — по Шульга 2008: рис. 66, 70; 2 — дано в перевернутом виде по Степанова 2006: рис. 12: 1.

Fig. 12. 1, 2 — reconstruction of the method of tightening the girth with two-part clasps from Altai from Gilyovo-10 second half of the 7th century BCE (1) and Bashadar-2 5th century BCE (2); 3 — reconstruction of the saddle belts location with a right-handed clasp connecting the upper spring (scrown) and the lower underpear straps (Gilevo-10, M16): 3a, 3b — preserved spring belt with a plaster clasp and a bib on the right side of the horse; 3в — the left side of the preserved bridle. 1, 3 — after Shulga 2008: fig. 66, 70; 2 — given upside down after Stepanova 2006: fig. 12: 1.

Рис. 13. Современное седло с двумя подпругами из Западного Казахстана (по Мамедов 2016: рис. 4).

Fig. 13. Modern saddle with two springs from Western Kazakhstan (after Mammadov 2016: fig. 4).